

Александр
Матоников

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
О РОССИЙСКИХ ОФИЦЕРАХ

СПЕЦНАЗ
ЧЕСТЬ ИМЕЮ

ТРАФИК СМЕРТИ

Александр Александрович Тамоников

Трафик смерти

Серия «Тамоников. Честь имею»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9524918

Тамоников, Александр Александрович. Трафик смерти: Эксмо; Москва;

2015

ISBN 978-5-699-79450-8

Аннотация

В одной из афганских лабораторий синтезировали новый чудовищный наркотик, употребление которого приводит к быстрой и неминуемой смерти. Полевой командир талибов Мусаллах планирует наводнить этой отравой всю Европу и тем самым совершить неслыханную по масштабам террористическую атаку против «неверных». Членам тайной антитеррористической организации «Совет шести» становится известно, что первая партия наркотиков будет доставлена в Старый Свет через Ливию. Туда срочно вылетает отряд особого назначения «Z» – боевая группа «Совета». Задача бойцов – пресечь наркотрафик любой ценой...

Ранее книга выходила под названием «Опасная игрушка для грутых парней»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	41
Глава 3	72
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Александр Тамоников

Трафик смерти

© Тамоников А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Триполи, Ливия, здание Международной миссии по правам человека.

Вторник, 12 июня. После завтрака руководитель французской делегации Ален Бретон, поднялся в приемную главы миссии американца Джона Реста. Бретона встретила секретарь, очаровательная Катрин, миниатюрная темнокожая красotka. Поговаривали, что она была любовницей Реста. Скорей всего слухи, хотя почему бы и нет? Бретон бы не отказался переспать с этой «шоколадкой», наверняка активной, страстной и без особых предрассудков молодой, кокетливой и симпатичной... Видимо, это чувствовала и Катрин, в присутствии Бретона поигрывая высокой для ее фигуры грудью, открывая ее чуть ли не до сосков. Так было и на этот раз. Поправив майку, под которой заколыхалась грудь, улыбнувшись, приоткрыв полные губы и обнажив белоснежные ровные зубы, Катрин воскликнула:

– О! Мсье Бретон! Доброе утро. Вы, наверное, поздно вернулись вчера, вечером я не видела ни вас, ни ваших коллег.

– Привет, Кэт, – ответил на приветствие Бретон, – это не мы вернулись поздно, дорогая, это ты, видно, рано легла спать. И не уверен, что одна. Кстати, вчера я не застал здесь и мистера Реста. И это около десяти часов, когда наконец хоть немного спадает жара и члены миссии предпочитают прово-

дить время во внутреннем дворе.

Катрин притворно вздохнула:

– Ох уж мне эти сплетни. Будто молодая женщина не может спать одна.

– Такая, как ты, Кэт, не может.

– У вас, между прочим, в делегации мадам Реньо очень даже ничего, как, впрочем, все француженки. И мила, и общительна, а главное, в свои тридцать пять, одинока. Вот она точно без мужчины не может.

– Почему?

– Вы еще спрашиваете? Инесса только официально дважды была замужем. И если после разводов не подалась в монастырь, то одиночество явно ей противопоказано. Тем более вы с ней часто остаетесь наедине.

Бретон рассмеялся:

– Ну, хорошо, будем считать, мы в расчете. Шеф у себя?

– А где ему быть? Все с кем-то говорит по телефону, кучу бумаг каждый день изводит, а я, честно говоря, вообще не понимаю, зачем мы здесь? Чьи права защищаем?

– Как чьи? Человека, людей.

– С какой стороны и каким образом?

– Это тебе шеф объяснит. Он один?

– Один-одинешенек, мсье Бретон.

– Будешь докладывать о моем прибытии?

– Вы же с Рестом друзья?! Проходите.

– Благодарю.

Послав секретарше воздушный поцелуй, глава французской делегации вошел в кабинет руководителя миссии.

Рест, закатав до локтей рукава белой рубашки, просматривал почту.

– Привет, Джон! – поздоровался с ним Бретон.

– А, Ален?! Привет. Давно вернулся из Эс-Сидра?

– Еще вчера. Около десяти часов вечера. Поднялся сюда, но ни тебя, ни твоей музейной секретарши не застал.

– Почему музейной? – удивился Рест.

– Потому что в музее всегда хочется потрогать понравившийся экспонат. Особенно тот, что не доступен. Или ущипнуть за задницу строгого экскурсовода с непроницаемой холодной физиономией фригидной дамы.

– А ты, оказывается, баловник, Ален. У меня подобного желания никогда не возникало.

– Ты посещаешь музеи?

– Редко, но бывает.

– Кто бы мог подумать. Но тебя понять можно. На кой черт сдались какие-то сотрудницы пыльных музеев, когда под боком такая красотка, как Кэт?

Рест отложил в сторону почту:

– Между прочим, я женат, Ален.

– И что? Когда жены являлись серьезной помехой в любовных делах на стороне?

– Давай не будем об этом, а перейдем к делу. Ты что-нибудь выяснил по интересующему нас вопросу?

– Конечно. Я не работаю вхолостую.

Бретон достал из кармана флеш-карту:

– Держи, шеф! На флешке практически вся информация по планам поставки нового наркотика из Афганистана в Европу. Весьма, кстати, любопытная информация. Наши боссы в ЦРУ, думаю, будут не в восторге от нее.

– В наркотрафике замешаны наши люди?

– И люди весьма влиятельные. Но... все на флешке.

– Информация достоверная?

Бретон с укором посмотрел на Реста:

– Джон! Я двадцать лет в разведке. И ни разу через меня не проходила дезинформация. Перед тем как передать материал, я лично и очень тщательно проверяю его. И ты, Джон, прекрасно знаешь это.

– О'кей. Я посмотрю, что ты накопал. И отправлю информацию в Штаты. Вот только...

– Тебя что-то смущает?

– Ты же сам говоришь, что на флешке компромат на влиятельных людей.

– Ну и что? Сейчас они влиятельные, при должностях, завтра окажутся за решеткой.

– Ладно, я все сам посмотрю, оценю.

Бретон подошел вплотную к Ресту:

– Не нравится мне твое настроение, Джон.

– Оно мне тоже не нравится. Как и то, чем мы тут занимаемся.

– Предупреждаю, Джон, информация, какой бы она ни была, должна уйти в Лэнгли.

– Это я буду решать.

– Ошибаешься, мой друг. По-твоему, я напрасно рисковал своей шкурой и своими помощниками, понятия не имевшими, что выполняют работу агентов Центрального разведывательного управления США? Не отправишь информацию ты, отправлю я. Но тогда, Джон, и тебе сидеть за решеткой.

– Если упомянутые тобой влиятельные люди не всадят до этого пулю в лоб.

– Э-э, Джон, смотрю, на тебя плохо действует жара. Сообщаешь плохо. А может, ночью Кэт так измотала тебя, что ты не в состоянии адекватно оценивать ситуацию?

– Да при чем здесь Кэт?

– Ни при чем. Но и ты ничем не рискуешь, Джон. Кто достал информацию? Я. И если кого-то и решат убрать, в случае попадания разведданных не в те руки, то не тебя, а меня.

Рест невесело усмехнулся:

– Конечно. Я в этом деле как бы ни при чем, да? Отправлял информацию, не ознакомившись с ней?

– Ну, тогда у нас один-единственный выход обезопасить себя.

– Сенатор Алекс?

– Нет! Советник президента.

– Гридман?

– Он самый! Против Гридмана не рискнет пойти даже ди-

ректор. Следовательно, покровители влиятельных лиц первыми сразу и сдадут своих подопечных. Так уже было.

– О'кей! Ты намерен вернуться в Штаты?

– Да, через Европу, но... после того, как встречу с одним человеком в Дарадже.

– Не понял, что еще за дела?

– Это, Джон, извини, пока секрет.

– Но он тоже проходит по делу с наркотой?

– Нет! У него есть информация о поставках русскими оружия Каддафи.

– Полковник мертв, какая теперь разница, кто поставлял ему оружие?

– Это, Джон, смотря какое оружие. Но... все! На этом тему закроем. Обещаю, как только вернусь, ты станешь первым человеком, после участников сделки, естественно, который узнает все подробности этого дела. Но не ранее.

– Черт! И когда все это закончится?

– Скоро, Джон! Совсем скоро. Если в нашем управлении не решат иначе...

– Нет, уж. Если в Лэнгли решат нагрузить нас еще какой работой в этой чертовой Ливии, я подам рапорт об отставке. Пенсию, слава богу, заработал.

Бретон усмехнулся:

– По-моему, ты и без пенсии неплохо проживешь в собственном уютном домике в родном Техасе.

– Как и ты!

– Как и я! Я вот что подумал, а не выпить ли нам виски, Джон?

– В такую жару?

– Тебе же все равно сидеть в миссии под кондиционером. Это мне париться в машине несколько сот миль. А виски гораздо лучше пива. И не потеешь, и напряжение уходит.

– Ну, если только немного. Со льдом.

– Конечно, немного. Для поднятия тонуса.

Рест вызвал секретаря.

Катрин вошла, не забыв поиграть пышной грудью:

– Слушаю, сэр!

– Два виски со льдом!

– Содовую?

– Я же сказал, два виски со льдом, какая, к черту, содовая?

– Да, сэр! Минуту!

Фыркнув недовольной кошкой, у которой из-под носа утащили кусок колбасы, и отчаянно, демонстративно виляя выпуклым задом, секретарша вышла из кабинета.

– Зачем ты так грубо с ней, Джон? – улыбнулся Бретон. – Или ночью она что-то сделала не так?

– Я не спал с ней. И доволен!

– Ну, ну, не горячись. Я на твоём месте уложил бы её в постель.

– Не сомневаюсь. Но у тебя есть мадам Реньо, не так ли?

– К сожалению, Инесса предпочитает мне Армэля.

– Этого сопляка?

– Ты бы видел мужские достоинства этого сопляка. Я видел. В сауне. Размер, скажу тебе, впечатляет. А Инессе такой и нужен.

– Понятно.

– Может, «шоколадку» одолжишь? Все равно ведь не спишь с ней?

– Она не захочет.

– Я уговорю.

– Нет! И в конце концов, Ален, в городе полно шлюх. Эту породу не выведет никакая война. Выбирай прямо у здания миссии любую, какую только пожелаешь.

– Я тебя понял, Джон! А насчет Кэт не беспокойся. Только смотри, чтобы доброжелатель какой не сдал тебя супруге. А то выйдешь на пенсию, а жить будет нигде.

– А ты думаешь, жена в Штатах хранит мне верность? Черта с два. С ее темпераментом без мужика и неделю не выдержать.

Бретон развел руки:

– Я ничего не слышал. Это твои личные дела.

– Да, дела, – Рест нажал клавишу селектора: – Катрин! Тебя послали за виски или прокладки менять? Сколько можно ждать?

Через секунды секретарь внесла в кабинет поднос с бокалами виски, в которых таял лед, ломтиками лимона, закрепленными по краям бокалов.

– Ваш виски, сэр!

– Благодарю!

– Я могу идти?

– Конечно!

– Слушаюсь!

У двери Катрин обернулась:

– А прокладки, сэр, мне сегодня ни к чему.

Рест чуть не поперхнулся:

– Что?

– Прокладки, говорю, сэр, мне не нужны. Критические дни наступят позже, если...

Руководитель миссии бросил ломтик лимона на стол:

– Уйди, Кэт!

Бретон вновь рассмеялся, у него было явно хорошее настроение.

– Да, а в голове у твоей «шоколадки» пусто.

– Зачем ей мозги? Лишняя тяжесть.

– Ладно, Джон, проедусь-ка я с группой в Дарадж, а ты до моего возвращения передай информацию и советнику, и начальству в ЦРУ. Так будет и спокойнее, и надежнее.

– Ты хочешь прямо сейчас выехать?

– Только продукты заберу, мои люди оповещены о поездке и, наверное, уже ждут возле машины.

– Может, оружие с собой возьмешь?

Бретон вытащил из-за спины «кольт»:

– Я без оружия, Джон, даже в сортир не хожу. Привычка, знаешь ли.

– Я имею в виду оружие посерьезней.

– Чтобы отморозки из племен повстанцев прибили нас из-за пары штурмовых винтовок? Нет уж, обойдемся тем, что не видно, но защититься при необходимости сможем.

– О'кей, дело твое!

– До встречи, Джон!

– Удачи, Ален!

Бретон обошел свои апартаменты, если таковыми можно было назвать двухкомнатный номер с кондиционером и душем. Сканером он проверил помещение на предмет прослушивания. Убедившись, что его никто не слушает, Бретон достал из шкафа чемодан, извлек из него современную спутниковую станцию связи, набрал по трубке с толстой и короткой антенной номер. Ждал недолго. Ему ответили на английском языке с явно выраженным восточным акцентом:

– Да, мсье Бретон?!

– Ассолом аллейкум, Абдалкадир!

– Ва аллейкум, Ален.

– В десять ноль я со своей группой выезжаю в Дарадж.

– У нас все готово.

– Прекрасно, мой друг.

– Маршрут не изменился?

– Ты же местный, Абдал, и кому как не тебе знать, что до Дараджа ведет одна-единственная дорога через Эль-Азизия, Джаду и Налут.

– Ну почему? В Дарадж можно проехать и минуя Джладу, через Гарьян.

– Я этой дороги не знаю.

– Ее знает твой водитель.

– Мы пойдем по ранее обговоренному маршруту.

– Хоп, Ален. Встретимся там, где оговорено. Ты решил, что делать с мадам Реньо?

– Да. Но об этом при встрече.

– Жду!

Бретон отключил станцию, уложил трубку в чемодан, сложив стержень-антенну. Осмотрелся. На стуле висел летний костюм. Он очень нравился Бретону, но брать с собой ничего нельзя. А жаль, костюм бы еще пригодился.

Он вышел во двор, где у внедорожника кучкой стояли водитель Ихаб, доктор Армэль Гро и помощница Бретона Инесса Реньо.

– Ну, что? – спросил Бретон. – Готовы к последней поездке в глубь страны, господа?

Гро улыбнулся:

– Военные в таком случае не говорят слово «последней», они говорят «крайней».

– О'кей. Готовы ли вы к крайней поездке в Дарадж?

– Конечно.

Бретон повернулся к водителю-ливийцу:

– Ихаб! Нас не подведет твой старый автомобиль?

– Он еще как минимум лет десять пробегает, мсье.

– Ну что ж, тогда прошу занять места в машине.

Водитель, Гро, Реньо и сам Бретон сели в салон. Ихаб тут же включил кондиционер. Завел двигатель и вывел «Тойоту» с территории международной миссии.

Бретон взглянул на часы: 10.07. Все шло по плану.

Он повернулся к водителю:

– Ихаб?! А это правда, что Эль-Азизия, где мы будем проезжать, является чуть ли не самым жарким местом на всей планете?

– Я скажу так, мсье Бретон, в Азизии не жарче, чем, скажем, в Триполи или Дарадже, хотя последний город находится гораздо южнее, но, как утверждают метеорологи, в Эль-Азизии действительно была зафиксирована самая высокая температура воздуха в тени. 57,8 градуса. Хотя было это давно, в сентябре 1922 года, по-моему, 13-го числа.

– 57,8 градуса в тени? – воскликнул Бретон. – Сколько же тогда было на солнце?

– Слышал, вода в кувшинах кипела.

– С ума сойти, – проговорила с заднего сиденья мадемуазель Реньо.

– Сейчас, Инесса, тоже не прохладно.

– Но не 60 градусов.

– Да, всего 31.

Расстояние от Триполи до Эль-Азизии составляло сорок семь километров, но Ихаб вел внедорожник медленно, аккуратно объезжая часто встречающиеся воронки от бомб,

оставшиеся после воздушных ударов самолетов НАТО. Иногда ему приходилось съезжать на плато. В 10.37 водитель положил Бретону:

– Мсье, за нами следует армейский джип.

– Ну и что?

– Ничего, не считая того, что он догнал нас на выезде из Триполи, а догнав, выровнял скорость и едет вот уже пять минут, точно повторяя наши маневры.

– И что в этом странного? Дорога плохая, вот джип и пристроился сзади, чтобы не попасть в какую-нибудь яму.

– Дорога хорошо просматривается. Джип мог бы и без нас прекрасно обойти препятствия.

– Ну тогда остановись, подай сигнал водителю следующей за нами машины, чтобы и он остановился. У него и спроси, почему тот идет следом за твоей «Тойотой».

– Вы шутите?

– Ничуть. Тебе же кажется, что он преследует нас, не так ли?

– Я бы сказал, сопровождает.

– Ну вот! Спроси, какого черта водитель джипа сопровождает нас.

– И спрошу, поворот со спуском пройдем, минуем полуразрушенный дом, останавлиюсь.

– Давай, – кивнул Бретон, чему-то криво усмехнувшись.

Остановиться «Тойоте» пришлось раньше, чем это наметил водитель. Пройдя поворот и выйдя на пологий спуск пла-

то, Ихабу пришлось резко тормозить. И причиной этого были не воронки от бомб, а стоявший посреди дороги «Ниссан».

– Какого черта? – изобразил недоумение Бретон.

– А сзади встал джип, – сказал Армэль Гро.

– Может это подразделение службы безопасности Переходного национального Совета? – предположила Реньо.

– Как же?! Безопасности. По-моему, это бандиты, которых сейчас в Ливии развелось, как стай голодных гиен. Вопрос: что им надо?

– А вот мы это сейчас и узнаем.

Бретон достал «кольт», привел его в боевое положение.

Реньо воскликнула:

– Пистолет? Ален, ради бога, убери оружие. Кто бы ни были эти люди, вряд ли «кольт» испугает их. А вот разозлить может. Ты бы лучше сообщил об опасности в Триполи.

– Поздно, дорогая.

Из заблокировавших дорогу автомобилей вышли шесть человек. Трое из «Ниссана», трое из джипа. Они были вооружены российскими автоматами «АК-74». Бретон открыл дверку, так же вышел на дорогу, бросив спутникам:

– Оставайтесь на местах, постараюсь поладить с этими ребятами. И никаких попыток связаться с Триполи.

Бретон оказался перед высоким арабом в полевой натовской форме.

– Как доехали до места, мсье? – спросил он.

– Хорошо.

– Ну, тогда мы приступаем?

– Да!

Троица прошла мимо главы делегации, который, стоя спиной к «Тойоте», спокойно прикурил сигарету.

Неизвестные между тем окружили машину миссии по правам человека. Высокий араб – видимо, старший среди неизвестных – открыл заднюю дверку, один из его подчиненных правую переднюю. Старший араб произнес:

– Все на выход!

– Но какого черта? – воскликнул Гро.

Его схватили двое и выбросили на дорогу. Доктор Гро упал в пыль обочины. К его затылку приставили ствол автомата.

Ихаб вышел сам, встал у капота, положив руки на горячую крышку, раздвинув ноги. Он привык подчиняться силе. Ренью же продолжала оставаться в машине.

Высокий араб нагнулся, заглянул в салон:

– Вам, мадемуазель, требуется особое приглашение?

– Мы сотрудники Международной миссии по правам человека. У нас мандат, выданный вашим же руководством, руководством повстанческих сил.

– Откуда вам знать, мадемуазель или мадам, кто руководит нами? Прекращайте болтать и выходите на улицу, иначе с вами поступят так же, как с вашим коллегой. У нас, знаете ли, к женщинам отношение особое. Если женщина не подчи-

няется мужчине, то ее очень строго наказывают. Не думаю, чтобы вы хотели применения силы.

– Черт-те что происходит в вашей стране. Мы...

Араб прервал ее резким окриком:

– А ну быстро из машины, грязная французская шлюха.

– Что?

Инесса от изумления и возмущения широко открыла глаза.

– Что вы сказали?

Арабу надоело упрашивать женщину. Он отошел от «Тойоты», кивнул стоявшему в стороне соплеменнику:

– Гафар, займись бабой! Но только вытащи ее из машины.

– С удовольствием.

Гафар, открыв левую заднюю дверь, за волосы выволок кричащую от боли Ренью, подтащил к лежавшему в пыли Гро. К ним подвели и Ихаба.

И только Бретон оставался вне разворачивающейся драмы. Он продолжал спокойно курить в десяти метрах от «Тойоты», совершенно не обращая внимания, что происходит у него за спиной.

Его окликнула Ренью, после того как араб отпустил ее:

– Эл?! Что все это значит? Почему ты в стороне? Что происходит?

Бретон обернулся. Усмехнулся. Взглянул на араба:

– Ты медленно работаешь, Абдал.

– Бретон?! – закричала Ренью.

Руководитель делегации поморщился:

– Заткните ей пасть и работайте, работайте.

Гафар влепил Инессе пощечину:

– Прикрой рот, шлюха, тебе еще предстоит им поработать.

Ихаба, Гро и Реньо отвели в полуразрушенный дом.

Старший араб приказал:

– В хибаре французов разделить: мужчин – в левую комнату, женщину – в правую! «Тойоту» – за здание, «Ниссан» – вниз. Джуда!

– Да, господин?

– Действуй по плану, смотри, чтобы все было чисто, и быстрее доставь сюда ствол.

– Слушаюсь.

Араб повернулся к подошедшему Бретону:

– Так каково решение по мадемуазель, Ален?

– Эту стерву разложить прямо на полу и изнасиловать.

Так, чтобы она больше не встала.

– За что ты мстишь ей, можно узнать?

– Это тебя не касается.

– Хоп! Остальных отработать после?

– Да!

– Они должны видеть, что будет с бабой?

– Хватит того, что мои коллеги, – на слове «коллеги» Бретон скривился в ухмылке, – услышат. Что по заложнику?

– Мы взяли его на пути в аэропорт.

– Он точно русский?

– Точнее не бывает. Работал врачом в госпитале.

– Взяли аккуратно?

– Естественно! Джуда повез его на плато.

– О'кей! Ну что, мой друг, Абдалкадир, если Ихаба и Гро мы лишим удовольствия смотреть, как твой маньяк разделает мадемуазель Реньо, то нам, думаю, не стоит отказываться от подобного зрелища. Или ты против?

– Я насмотрелся вволю на эти кровавые оргии.

– Что ж, отказаться твое право. Будь с Ихабом и Гро, а я посмотрю на работу твоего маньяка.

– Зрелище не для слабонервных, Ален.

– У меня крепкие нервы.

Бретон вздохнул:

– Бедненькая Инесса, знаешь, Абдал, мне даже стало жаль ее.

– Так отмени приказ, и она подойдет, как и остальные, быстро и практически безболезненно.

– Нет! Дела надо всегда доводить до конца.

– Но что даст тебе изнасилование бывшей помощницы? Я бы понял, если бы ты ее сам... но...

– Меньше слов, Абдал.

– Идем, Ален, Гафар дисциплинированный палач. Он ждет приказа. Как бы слюной от нетерпения не подавился.

– Идем.

В доме Абдалкадир прошел в комнату содержания Ихаба и Гро, Бретон зашел в помещение напротив, где на пригото-

ленных заранее грязных матрасах с разбитым лицом лежала Реньо, а рядом тяжело дыша стоял уже раздевшийся догола человек Абдала.

Женщина, увидев Бретона, кинула в его сторону:

– Будь ты проклят, скотина.

– Ты не хочешь узнать, почему я так поступил?

– Мне и без объяснений понятно, что ты проданся бандитам.

– Нет, дорогая, ты не права. Ален Бретон не продается.

– Заметно. Господи! Как же мы не поняли тебя?!

– Я профессионал. Ты умрешь, Инесса. Тебя не страшит смерть?

– А ты сможешь подарить жизнь? Или продать?

– Я могу многое. Но ты умрешь. Сожалею, Инесса, но так надо.

– Сволочь, мерзавец, тварь, – закричала женщина, приговоренная предателем на страшную казнь.

Бретон кивнул арабу:

– Она твоя, Гафар!

Бандит набросился на Реньо, как хищник на легкую добычу. Начал рвать на женщине одежду, каждую попытку сопротивления пресекая сильными ударами. Гафар сопел:

– Сейчас, шлюха, сейчас, сейчас я накормлю тебя...

Бретон, прикурив очередную сигарету, отошел в угол, откуда стал смотреть на начавшееся кровавое действо.

Гафар словно обезумел, добравшись до жертвы, отданной

в его полное распоряжение. Сорвав с бедной, избитой женщины одежды, он несколькими ударами выбил ей зубы:

— Это, тварь, чтобы у тебя не возникло желания нанести мне вред. Теперь твои укусы буду доставлять только удовольствие. Ну-ка, стерва, ну?

Араб вогнал свой огромный член в разбитый рот Реньо. Схватил за волосы и дернул на себя. Отпустил, опять дернул.

— Давай, шлюха, давай, делай свое дело. Вы француженки любительницы этого.

Инесса задыхалась, но Гафар продолжать рвать ей рот.

Реньо потеряла сознание. Араб быстро привел ее в чувство сильной пощечиной. Женщина закашлялась. Гафар сжал груди Инессы. Так, что из сосков выступила кровь. Грубо вошел в нее, забросив ее ноги за голову. Реньо уже не чувствовала боли. А араб двигался словно бешеный, останавливаясь на секунды, издавая при этом рычание дикого зверя. Он был неустойчивым.

Бретон никогда раньше не видел подобного. Его тошнило от этого кровавого насилия, но он смотрел на зверство араба, чувствуя, как от желания поднимается и его плоть. Он закрывал глаза и тут же открывал их, издавая слабый стон. Руки его дрожали. А маньяк продолжал насилие. Гафар перевернул окровавленное тело Реньо на живот, рывком поднял его. Женщина не удержалась на коленях. Тогда бандит вошел в нее сзади лежа. И закричал от боли и удовольствия. Готов был кричать и Бретон в углу. Он вспотел. Дрожащими

пальцами вытащил сигарету, никак не мог прикурить. Прикурив, увидел завершение оргии. Гафар, обхватив руками голову Инессы, дернулся несколько раз и с криком от сильнейшего удара оргазма резко рванул голову женщины в сторону, ломая шейные позвонки жертвы. И тут же встал весь в крови и в поту. Судороги пробивали изнасилованное, истерзанное тело Реньо.

– Все, мсье!

Араб тяжело дышал.

Бретон затушил окурок, вышел из комнаты, прислонившись спиной к прохладной стене у двери. Его била дрожь.

Подошел Абдалкадир:

– Ты в шоке, Эл?

– Не то слово... Абдал. Такого я еще не видел.

– Теперь тебя будет преследовать мысль самому повторить увиденное.

– Я не смогу... вот так, как твой безумец Гафар.

– Сможешь. Когда-нибудь сможешь. Возьми, это успокоит тебя.

Старший араб протянул Бретону короткую сигарету.

– Марихуана?

– Да!

– Нет. В машине осталась фляжка с виски. Пошли кого-нибудь за ней.

– Но мы теряем время, Ален?!

– А я потеряю рассудок, если не выпью, – закричал Бре-

тон.

– Хоп! Не кричи, я тебя хорошо слышу.

Он отдал команду арабу, охранявшему вход, и тот через пять минут принес заветную фляжку. Бретон сорвал крышку, поднес флягу ко рту, большими глотками ополовинил ее.

Выдохнул воздух:

– Уф! Как вода прошла.

Абдалкадир забрал фляжку:

– Достаточно!

– Да! – кивнул Бретон. – Достаточно. Сделай, пожалуйста, так, чтобы я больше не видел Гафара.

– Тогда выйди на улицу. Он должен еще отработать водителя и твоего доктора.

– Что, кроме него, этого сделать некому?

– Есть, но палач – Гафар. Зачем отбирать у него его же хлеб?

– Вы кого угодно сведете с ума.

Абдалкадир вплотную сблизился с Бретоном:

– И кого ты имеешь в виду под этим кого угодно?

– Всех. И себя в том числе.

Араб неожиданно рассмеялся:

– Ты прав. Поэтому нас боятся и нам подчиняются. Тебе стоит посмотреть еще на подобные казни.

– Нет, с меня и этого довольно.

– Эх, Алэн, совсем скоро ты станешь таким же. Одно дело работать на нас, другое – быть среди нас. Ты выбрал второе,

следовательно, просто обречен стать таким же, как мы, как я и как Гафар тоже.

– Я на улицу! Заканчивай здесь!

– Конечно, мсье!

Пока Гафар убивал Инессу, подчиненный Абдалкадира, Джуда отъехал на джипе метров на двести от полуразрушенного здания. Открыл багажник, вытащил оттуда связанного мужчину лет тридцати:

– Ну вот, господин Владимиров, вы на свободе, – сказал он на ломаном русском языке.

– Почему вы похитили меня? Я врач, я лечил, а не убивал людей. Лечил и повстанцев.

– Много говоришь. Проверь, паспорт при тебе?

– Вы что, отпускаете меня?

– Да. Ты нам больше не нужен.

– Ничего не понимаю.

– А тебе и не надо ничего понимать. Паспорт на месте?

Сергей Владимиров, работавший в Трипольском военном госпитале хирургом, прощупал карманы. Паспорт оказался в заднем кармане брюк.

– Документы на месте.

– Хоп.

Джуда неожиданно выхватил «кольт» и выстрелил Владимирову в руку. Русский врач схватился за рану. Араб быстро подошел к нему, сунул в ладонь «ПМ». Владимиров машинально взял его и тут же отбросил:

– Зачем мне оружие? Мне нужен бинт. Почему ты ранил меня?

– Я всего лишь исполнял приказ, а бинт? Пожалуйста.

Араб взял из машины санитарный пакет, которые часто использовались в госпитале. Бросил его к ногам Владимирову:

– Ты врач, ты знаешь, что делать. Ранение пустяковое, я стрелял так, чтобы не задеть кость.

– Я чувствую, что кость не задета.

Российский специалист разорвал пакет, достал из него бинт, начал перевязывать рану.

Джуда же забрал санитарный пакет. Отнес его и пистолет в машину. «ПМ» аккуратно опустил в целлофановый мешок. Подошел к Владимирову, который закончил перевязку и ждал, что последует дальше, плеснул на одежду бензин из бутылки. Сказал:

– А теперь ступай к дороге и по ней иди до Триполи. Это где-то двадцать километров, но ближе к городу тебя подберут, а может быть, ты встретишь машину и раньше. Ступай, ты свободен.

– Не знаю, что за игру вы затеяли...

Джуда оборвал врача:

– Или ты уходишь, или я пристрелю тебя. Это мое последнее слово.

Русский, пожав плечами, стряхивая с себя бензин, пошел к дороге.

Араб вернулся к дому. Вынес пакеты и мешок.

Абдалкадир спросил:

– Ты все сделал, как надо?

– Да, господин.

– Хорошо. Передай пистолет Гафару, пусть заканчивает работу.

Джуда вошел в здание. Вскоре оттуда прозвучали два выстрела. Из дома вышел палач и двое арабов. Гафар доложил:

– Все, Абдал, мы можем уходить.

Из проема двери полуразрушенного здания потянуло дымом, и через несколько минут пламя поднялось выше стен. Крыша дома была обрушена. Абдалкадир, несмотря на огонь, прикрывая голову платком, прошел в здание. Впрочем, тут же вернулся.

– Да, теперь мы можем ехать. Джуда, – окликнул он араба, отпустившего русского врача, – подпали «Тойоту» и к джипу. Уходим!

В 11.35 джип и «Ниссан» спустились за поворот и тут же свернули на плато. В переднем «Ниссане» кроме водителя ехали Абдалкадир, Гафар и Бретон. Главарь банды бросил за спину:

– Гафар! Приведи в рабочее состояние спутниковую станцию.

– Да, господин!

Через минуты он передал трубку начальнику. Абдалкадир набрал номер:

– Асад? Я!

– Ассолом аллейкум, Абдал!

– Ва аллейкум ассолом. Ты готов к вылету?

– Да, Абдал. Экипаж на месте.

– Вылетай в район эвакуации. К твоему прибытию и мы подойдем!

– Слушаюсь.

Передав трубку Гафару, Абдалкадир достал из бардачка пакет, протянул его Бретону:

– Здесь деньги, документы и приказ пилоту самолета, что ждет тебя в Бенгази. Туда долетишь вертолетом бывших ВВС бывшей Джамахирии и из Бенгази charterным рейсом в Кандагар.

– Ты уверен, что гражданский самолет долетит до Кандагара?

– Подразделения противовоздушной обороны сил по поддержанию мира, – усмехнулся Абдалкадир, – пропустят этот борт. Данный вопрос решен с американцами.

– Будем надеяться, что так и произойдет.

– Спутниковую станцию возьмешь с собой. С борта самолета, когда войдете в воздушное пространство Египта, свяжешься с Мусаллахом. Он встретит тебя. Вот только вряд ли Хайрулла будет доволен тем, что от тебя разит спиртным.

– Плевать. Я не мусульманин, мне пить не запрещено.

– И все же лучше не делать этого больше.

– Я учту твой совет.

Колонна из двух внедорожников остановилась на плато через полчаса езды. И тут же с северо-востока в небе показался вертолет «Ми-8», окрашенный в песчаный цвет, без знаков различия. Вертолет медленно приземлился метрах в двухстах от колонны. Машины подъехали к нему. Из «Ми-8» по трапу на землю спустился араб в форме ВВС Ливии, без шевронов и погон.

Он пожал руку Абдалкадиру, указав кивком головы на Бретона:

– Это и есть тот человек, которого я должен доставить на аэродром в Бенгази?

– Да! И кто он, тебе, Асад, знать не надо.

– Мне все равно. Я исполняю приказ.

– Правильно. Как Бенгази? Я имею в виду аэродром? С него еще можно летать?

– «Боинг» же приземлился?! Осталась одна, резервная полоса после бомбардировок да пара вертолетных площадок. Но уже начались восстановительные работы.

– Хоп!

Абдалкадир повернулся к Бретону:

– Эл! «Ми-8» доставит тебя по назначению. Хайрулле привет. Буду ждать сеанс связи с ним и переброски первой партии товара. Удачи тебе.

– И тебе удачи, Абдал.

Бретон пошел было к вертолету, но на полпути остановился, обернулся:

– А таким, как Гафар, я не стану!

Абдалкадир усмехнулся:

– Посмотрим! Счастливого пути.

Бретон и командир экипажа поднялись на борт вертолета. «Ми-8» медленно оторвался от земли, поднимая облако пыли, набирая высоту и скорость, пошел на северо-восток.

Абдалкадир сел в джип, отдал короткую команду, и колонна из двух внедорожников пошла по плато к дороге Сабха – Триполи, через Мизду и Гарьян.

Пересадка из вертолета в «Боинг» на аэродроме Бенгази заняла двадцать минут. В 13.40 лайнер, сделав короткую пробежку, поднялся в воздух. Спустя сорок минут второй пилот вышел в салон, единственным пассажиром которого являлся пропавший без вести сотрудник миссии по правам человека и старший офицер спецотдела Центрального разведывательного управления США Ален Бретон...

– Господин, – обратился к нему пилот, – мы в воздушном пространстве Египта!

– Я понял, благодарю.

Пилот прошел через салон в туалет, вернулся в кабину пилотов.

А Бретон снял с багажника чемодан, положил его на свободное сиденье, открыл, включил спутниковую станцию, на трубке набрал длинный номер.

Ему ответили тут же:

– Мусаллах! Слушаю тебя, Эл!

– Я над Египтом.

– Это мне известно. Хочу знать, как отработали план твоего исчезновения люди Абдалкадира?

– А разве он не доложил об этом?

– Я хочу знать твое мнение.

– Абдал прекрасно справился с задачей. Особенно по Инессе.

– Когда трупы миссии обнаружат, то именно насилие над женщиной более всего привлечет внимание СМИ. Необъяснимая жестокость порождает негодование, протест, поднимает волну возмущения. А в результате журналисты, как легавые, начинают собственное расследование. И мы имеем нужный нам шум. Но поговорим об этом у меня дома? Кстати, я приготовил тебе неплохой сюрприз. Надеюсь, ты оценишь его по достоинству.

Бретон проговорил:

– Я бы предпочел получить подтверждение перевода оговоренной ранее суммы на мой счет.

– Твои счета, Эл, закрыты.

– Что?

– Не падай в обморок. Закрыты счета на имя Алена Бретона, но открыты на другое лицо. Тебе в любом случае менять обличье, имя и фамилию. Как говорится, рождаться во второй раз. Поэтому я позаботился, чтобы твоими средствами не воспользовался кто-то другой. Или я сделал что-то неправильно?

– Ты мудрый человек, Хайрулла.

– Жизнь заставляет просчитывать все на несколько шагов вперед. Сейчас как никогда подтверждается поговорка – выигрывает сильнейший. Слабые погибают. Мир для сильных, слабым в нем отведена только роль рабов. Мы с тобой, Эл, относимся к разряду сильных людей, посему именно за нами будущее. Но я уже утомил тебя. Отдыхай. У нас будет время для бесед в тени чинар за чашкой хорошего кандагарского чая.

– После которого срывает крышу?

– Во всем надо знать меру, Эл. До встречи.

– До встречи.

Бретон отключил спутниковую станцию, уложил ее обратно в чемодан, который отправил на багажную полку. Откинулся на спинку удобного кресла. Закрыв глаза. Лететь ему предстояло еще более семи часов.

«Боинг-717», совершив промежуточную посадку в Иране, в 23.40 местного времени благополучно приземлился в аэропорту Кандагара. Бретона у трапа, как и обещал, встретил один из влиятельных полевых командиров движения Талибан Хайрулла Мусаллах.

– Рад приветствовать тебя, Ален, на многострадальной земле Афганистана, – поприветствовал Мусаллах Бретона.

– Ну а как я рад, ты даже представить себе не можешь, – улыбнулся в ответ, пожимая полевому командиру руку, Бретон.

– Ну почему? Представляю. Перелет сильно утомил?

– Более семи часов в небе, даже в комфортабельном лайнере, согласишься, удовольствие малоприятное.

– Ничего, главное – ты без проблем ушел из Ливии, а усталость снимет то, что я приготовил тебе в качестве сюрприза. Но не будем терять времени.

Он повернулся к стоявшему неподалеку «Форду». Водитель тут же подогнал внедорожник к самолету.

Пройдя по ночному Кандагару, автомобиль въехал в ворота большого особняка, удачно вписавшегося в холмистую местность пригорода. Мусаллах и Бретон вышли из машины. Тут же перед ними вырос афганец. Низко поклонившись, он доложил хозяину:

– Саиб! У нас все готово!

– Хорошо.

Мусаллах повернулся к Бретону:

– Это мой помощник и секретарь, Бахтияр. Образованный молодой человек, владеет несколькими языками.

Он взглянул на помощника:

– Бахтияр! Мы с гостем недолго поговорим у меня в кабинете, затем спустимся на ужин.

– Уточните, пожалуйста. Когда подавать блюда.

– Как только мы спустимся в большую комнату.

– Понял.

– Да, и держи в готовности наш сюрприз.

– С этим все в порядке. Господин Бретон будет доволен.

– Свободен.

Мусаллах провел бывшего агента ЦРУ в свой, обставленный в европейском стиле, кабинет.

– Странно, – проговорил Бретон, оказавшись в рабочем помещении полевого командира.

– Что ты видишь здесь странного, Ален?

– Насколько мне известно, члены Талибана фанатично религиозные люди. Чтут законы и обычаи предков.

– Ну и что? Это правда.

– Но тогда почему в доме одного из лидеров движения кабинет обустроен в стиле неверных?

Мусаллах улыбнулся:

– Каждое правило, Ален, и тебе об этом хорошо известно, имеет исключения, которые только подтверждают правило. Здесь я работаю. Ко мне на компьютер стекается много информации, я использую новейшие спутниковые системы связи. А поэтому обстановка подобрана исключительно для удобства работы. И потом, мне часто приходится встречаться и с европейцами, и даже с американцами, да, да, Ален, американцами. Сегодня у меня в доме ты. Тебе было бы удобно вести разговор, лежа на ковре? Если да, то мы перейдем в соседнюю комнату, она представляет собой традиционное мусульманское жилище.

Бретон поднял руки:

– Нет, Хайрулла, лучше я устроюсь в кресле. Я спросил только из интереса.

– Надеюсь, мой ответ тебя удовлетворил?

– Вполне.

– Тогда присаживайся.

Бретон сел в кресло у небольшого столика, напротив устроился Мусаллах. Он хлопнул в ладоши. Тут же в дверях появилась женщина, с ног до головы закутанная в белые одеяния. Видны были только ее черные покорные и какие-то безжизненные глаза:

– Да, господин!

– Принеси нам чай!

– Слушаюсь, господин.

Женщина неслышно удалилась, прикрыв за собой створки резных деревянных дверей.

– Одна из жен? – поинтересовался Бретон.

– Нет! Наложница. Я купил ее в Герате. Недорого обошлась.

– В Герате рынок рабынь?

– Можно сказать и так. В афганских семьях много детей.

Они вырастают. Мальчики становятся мужчинами и продолжают дело предков, у них в жизни много дорог. Девушки же лишены выбора. Их участь быть рабой. У мужа или другого мужчины. Бедные семьи не могут в нынешних условиях прокормить большую семью. Поэтому часто отец продает своих дочерей, чтобы вырастить сыновей. Замечу, Ален, сам продает, без какого-либо принуждения, хотя надо признать, что нередко красивых женщин забирают силой. Но на то она и

сила. Сильные владеют миром.

Бретон утвердительно покачал головой:

– Я уже это слышал. В Ливии.

– Абдал сильный и умный человек.

Наложница талиба внесла поднос с чайником, пиалами, чашкой, наполненной сладостями. Поклонилась и вновь так же неслышно, словно по воздуху, вышла из кабинета.

– Молодая? – спросил Бретон.

Мусаллах рассмеялся:

– А зачем бы я покупал старуху? Мне в этом плане старшей жены хватает. Маноле – пятнадцать лет. Возраст невесты.

– Она уже никогда не сможет выйти замуж?

– Ну, почему? Я могу отдать ее какому-нибудь нищему.

Вопрос: согласится ли Манола выйти за него замуж? Пословица: «С милым и в шалаше рай» – полный бред. Да, возможно, птица и не запоеет в золотой клетке, но вряд ли променяет ее на такую же клетку из ржавого железа.

– Ладно, Хайрулла. Ваши законы я уважаю, но, честно говоря, не понимаю, да и не хочу понимать.

– Тебя никто не заставляет принимать ислам, однако исполнять законы нашей страны ты обязан.

– Ты имеешь в виду законы, принятые официальной властью под диктовку американцев?

– Нет, я имею в виду законы шариата. Те законы, что установлены на контролируемой Талибаном территории, ведь ты

находишься в Кандагаре, а не в Кабуле. Кстати, ты уже нарушил их.

– Имеешь в виду спиртное?

– Да.

– Я выпил, будучи вне территории, контролируемой движением, и давай перейдем к делу.

– Хорошо. Сейчас уже поздно, и разговор у нас будет короткий, более предметно поговорим завтра.

– Отличная идея.

– Ты уверен, что в Лэнгли проглотят твою дезинформацию по Низару Аль-Галади?

– Да.

– Джон Рест, твой начальник по команде СИ-8, станет усердствовать в твоих поисках?

– Думаю, да, но поиски не дадут результатов. И в этом не будет ничего странного. В Ливии ежедневно пропадают сотни людей.

– Но ты же все-таки сотрудник ЦРУ?!

– Работавший под прикрытием миссии по правам человека. Главарям банд, что сейчас рыщут по всей Ливии в поисках добычи, как стаи шакалов, без разницы кого грабить, насиловать, убивать. Они получили свое – анархию, а с ней полную свободу действий. И пользуются этой свободой весьма активно.

Бретон улыбнулся:

– И данной ситуацией умело пользуются ваши люди.

– Нам удалось не только внедрить их в отряды повстанцев, но и возглавить эти отряды. Поэтому-то Ливия и выбрана одним из плацдармов расширения влияния Аль-Каиды в Европе.

– А заодно и организации массовых поставок нового наркотика в страны Старого Света, не так ли? Кстати, Хайрулла, я до сих пор не знаю, что представляет собой этот наркотик, получивший устрашающее название «Эфа».

– А вот об этом и обо всем остальном мы поговорим завтра. На сегодня достаточно. Сейчас ужин и... сюрприз.

– Ты хочешь положить ко мне в постель экзотическую шлюшку?

– Ты угадал только с постелью, но какой это будет сюрприз, если я все выложу тебе о нем?!

– Значит, в любом случае женщина. И это хорошо, это то, чего мне не хватало в последнее время.

– Тогда идем вниз?! Ты не откажешься от прекрасно приготовленного мяса молодого барашка?

– Не откажусь. Если бы к нему добавить еще бокал виски?!

– Ты неисправим. Хорошо, как я уже говорил, каждое правило имеет исключение. Я сделаю исключение для тебя, ибо желание гостя закон.

Бретон и Мусаллах рассмеялись и пошли на первый этаж мужской половины дома, в большую комнату, где всюду сустился с ужином помощник хозяина дома, Бахтияр.

Глава 2

После сытного ужина хозяин дома провел гостя по коридору к двери торцевой части здания. Мусаллах взглянул на Бретона:

- Очень надеюсь, что сюрприз придется тебе по вкусу.
- Посмотрим!
- Смотри!

Хайрулла раскрыл створки. В комнате, освещенной множеством свечей, на топчане, устланном толстым матрасом и шелковыми простынями кроваво-красного цвета, стояла на коленях, спиной к мужчинам, закутанная в белый балахон женщина. Ткань закрывала ее всю.

Бретон хмыкнул:

- Хм! Начало интригует, что дальше?

Мусаллах трижды хлопнул в ладони.

Женщина сбросила с себя балахон. По ее плечам рассыпались локоны золотистых волос, открылась спина и узкий круглый, как спелые небольшие дыни, зад.

У Бретона произвольно поднялись брови. А вместе с ними и мужское достоинство.

Мусаллах еще раз хлопнул в ладони.

Женщина резко обернулась, и Бретон буквально застыл, увидев перед собой необычайной красоты лицо незнакомки.

Женщина легла на спину и раздвинула ноги. Бретон про-

глотил слюну. Посмотрел на Мусаллаху:

– Откуда у тебя эта дива? И кто она?

– Нравится?

Бретон впился глазами в раскрывшиеся половые губы молодой женщины, обрамленные завитушками таких же, как и на голове, золотистых, аккуратно подстриженных волос, проглотил комок. Перевел взгляд на ее полные груди с торчащими вверх сосками в ореоле розовых овалов.

– Не то слово, Хайрулла. Но ты не ответил на мой вопрос.

– Совсем недавно эта красotka обслуживала неверных, солдат французского гарнизона. Имела неосторожность в сопровождении всего двух офицеров выйти в город за покупками. В результате офицеры лишились жизни, а мадемуазель Элиза Клодель попала в руки полевого командира отряда белуджей. Мы с ним давно знаем друг друга, однажды я спас ему жизнь. Поэтому он подарил мне эту красотку, ну а я решил оставить ее тебе.

Бретон облизнулся:

– Хороша кошка, черт побери.

– Она твоя, Эл! Можешь делать с ней все, что хочешь. А ты, Лиза, – Мусаллах перевел взгляд на женщину, – постарайся угодить во всем своему господину. Ибо в противном случае я продам тебя кровавому Али. У него очень плохая привычка. Али убивает женщин после того, как насладится ими. Впрочем, немногие доживают до того, как он утолит желание. Ты все поняла?

– Я все поняла, господин, – ответила Клодель, кокетливо и зовуще глядя на Бретона.

– Вот и хорошо. Эл, – Хайрулла взял Бретона под руку, – туалет и душ здесь же за ширмой, на столике под салфеткой разные штучки для усиления удовольствия, их, между прочим, собирала сама французская шлюшка. Ну и последнее, в шкафу у окна найдешь пару бутылок шампанского и бокалы.

– Благодарю, Хайрулла.

– Для друга я готов на все. И потом, я к спиртному имею косвенное отношение. Но предупреждаю, это последнее, что ты выпьешь в Афганистане.

– О'кей, Хайрулла!

– Не говори так, Эл, не люблю! Приятных тебе ощущений. Хайрулла вышел. Бретон приказал женщине:

– Прикройся, пока я не приму душ.

– Тебе не нравится мое тело?

– Ты хороша, но прими совет на будущее, не задавай ненужных вопросов, а исполняй то, что тебе говорят.

– Ты француз?

– А ты тупа? – повысил голос Бретон.

– Все, дорогой, молчу, извини. Я жду тебя.

Бретон сбросил халат, в который переоделся перед ужином. Прошел в душевую кабину, встал под струи освежающей теплой воды. Закрыв глаза, представляя, как он возьмет эту чертовски красивую шлюху. И вдруг перед ним, словно кадры из документальной хроники, начали мелькать сцены

развратной, смертельной случки палача Гафара с несчастной Инессой Реньо. Бретон открыл глаза, дернул головой. И будто наяву услышал слова Абдалкадира: «Скоро ты станешь таким же, как Гафар».

– Черт, – проговорил Бретон, – мне еще видений не хватало, и все же ошибается Абдал, таким, как его палач, я не стану.

Он вышел из душа.

Женщина тут же сбросила с себя шелковое покрывало, присела:

– Я твоя, дорогой?!

– Выпить хочешь?

Элиза удивленно посмотрела на нового любовника:

– Выпить? Здесь? Разве это возможно?

– В шкафу шампанское. Открой бутылку, наполни бокалы.

– Прекрасно. Минуту.

Она соскочила с постели, и Бретон получил возможность оценить ее стройную, сексуальную фигуру.

Элиза с бокалами присела на край широкого топчана. Бретон лежа принял один из них. Выпил шампанское залпом.

– Гадость, конечно, предпочитаю виски, но здесь и это слишком большая роскошь!

Элиза отпила немного:

– А я люблю шампанское. Как все французы.

– Что у тебя под салфеткой на столике? – поинтересовался Бретон.

Элиза улыбнулась:

– Посмотри сам!

Она допила шампанское, забрала бокал у Бретона, поставила посуду на пол, подошла к столику, откинула салфетку. Бретон увидел различные тубики, баночки, шары на тонкой нитке, фаллоимитатор и... плетку. Не бутафорскую, самую настоящую плетку.

– А это зачем? – он указал на плетку.

– Ты знаешь, Эл, я могу так называть тебя?

– Можешь!

– Так вот, Эл, однажды, это было давно, во Франции, я оказалась в постели у мулата. Не буду описывать, что он делал со мной, это неинтересно. Интересно другое. Мулату простого секса, хотя он изощрялся, как только возможно, оказалось мало. Никак не мог достичь оргазма. И тогда он стал избивать меня ремнем, одновременно продолжая случку. Мне было больно, я кричала, а мулат только сопел и двигался все быстрее. И неожиданно произошло то, чего я никак не ожидала. Боль вызвала у меня такой удар неожиданного кайфа, что я, извини, даже описалась. И мулат кончил вместе со мной, дико закричав на весь отель. Я потом два дня не могла встать с постели, а раны залечивала больше недели.

– Так ты мазохистка?

– Нет! Ну, по крайней мере, не большая любительница бо-

ли. Однако совсем не против, если у тебя появится желание заняться жестким сексом.

Бретон усмехнулся, вспомнив Гафара:

– Ты даже представить не можешь, что такое настоящий жесткий секс. С болью, которая сводит с ума.

Элиза с интересом посмотрела на Бретона:

– А занимался таким сексом?

– Нет. И тебе не советую. Но хватит болтать, займемся делом.

– С чего ты хочешь начать, дорогой?

– С того, что лучше всех делают француженки.

– Прекрасно! Я могу рассчитывать, что и ты не откажешь мне в оральных ласках?

– Можешь, если мне понравится твоя работа.

– Она понравится тебе.

Элиза встала перед Бретоном на колени, положила голову ему на грудь. Он схватил ее упругую ягодицу. Женщина начала целовать шею партнера, грудь, соски, постепенно опускаясь ниже. Наконец она добралась до возбужденной плоти Бретона, нежно лаская ее проворным языком. Бретон застонал от удовольствия. Ласки продолжались недолго. Элиза знала толк в сексе. Она резко перешла к активным действиям, и Бретонахватило на несколько минут... От сильного оргазма он закричал, одновременно сжав изо всех сил ягодицу партнерши. Отпустил ее, когда кайф прошел. Выдохнул воздух:

– Уф! Да, Лиза, ты профи в своем деле.

Она положила голову на его волосатую грудь:

– Тебе было хорошо?

– Я же просил, не задавать глупых вопросов. Тем более ты сама прекрасно знаешь ответ на него.

– Теперь твоя очередь.

– Подождешь. Скажи, как ты оказалась в гарнизоне западной коалиции.

– Очень просто. Завербовалась, прошла медосмотр, недолгую подготовку и была отправлена сюда в подразделение обеспечения.

– К тебе, наверное, выстраивалась очередь?

– Нет!

Бретон удивился:

– Что, неужели кто-то лучше тебя делал минет?

– Не в этом дело. Я обслуживала командира батальона. А он не желал делить меня с подчиненными.

– Не дурак этот командир батальона.

– Но слабый по части секса, странно, что жена еще не сбежала от него.

– А до того, как завербоваться в армию, чем занималась?

– Не догадываешься?

– Проституцией?

– Любовью, дорогой, сексом. За деньги, естественно.

– А это не проституция?

– Обычные шлюхи ублажают клиентов, лишь бы зара-

ботать. Они имитируют кайф, подыгрывают партнерам, но удовольствие получают крайне редко. Отрабатывают свое. Я же всегда получала кайф от случки с клиентами. А хочешь знать, кто был первым моим любовником?

Бретон положил ее ладонь на свою плоть:

– Хочу, Лиза!

Начав возбуждать Бретона, Клодель улыбнулась:

– Не поверишь, первым моим клиентом был отчим.

– Он взял тебя силой?

– Нет! Папочка был очень скромным и очень стеснительным человеком, учителем. Делал замечания, когда я надевала слишком короткую юбку.

– Как же он тогда стал твоим первым любовником?

– Мать моя часто болела. Заболела и той весной, когда мне исполнилось двенадцать лет. Отчим отвез ее в больницу. Вечер прошел, как всегда, мы поужинали, разошлись по комнатам. А ночью я пришла в их спальню. Отчим так и понять ничего не успел. Я запрыгнула на него. Он пытался увернуться, сбросить меня, но бесполезно. Так я лишилась девственности и испытала в первый раз оргазм. Самоудовлетворение в ванной не в счет. Это баловство. Поймал кайф и папочка. Мать так и не вышла из больницы, а мы с ним стали жить уже открыто. Пока он не надоел мне и я не ушла из дома. А на улице меня быстренько подобрали сутенеры. В принципе, я этого и хотела.

– Значит, у тебя многолетний опыт в сексе.

– Добавь, дорогой, в разнообразном сексе.

– Понятно! Убери руку.

– Ты восстановился и, по-моему, что-то обещал мне.

– Конечно, дорогая.

– О! – воскликнула проститутка. – Ты назвал меня дорогой! Это хороший признак. Надеюсь, ты не отдашь меня дикарям? Ведь старший афганец подарил меня тебе?

– Ляг на спину и шире раздвинь ноги, дорогая, разговор продолжим позже!

Бретон впился в плоть Клодель, и она закричала.

Ночь пролетела быстро. На рассвете Элиза уснула безмятежным сном ребенка. Бретон, прикурив сигарету, смотрел на нее. В принципе она не дала ему чего-то такого, что он раньше не испытывал. Но ему было хорошо с этой развратной, пропустившей через себя сотни мужчин, шлюхой. А вот почему она понравилась ему, Бретон ответить не мог. Странно, но ему казалось, что он давно живет с Элизой, хотя провел с ней первую ночь. Он погладил ее спину, она поежилась и повернулась на бок. Бретон погладил ее ягодицы. Девочка хорошая. Да и не нужна ему другая. Жениться он не собирался, раз не женился в сорок лет, заводить детей тем более. Бретон терпеть не мог детей. Особенно маленьких, доставали своим криком. Ну, а как секс-машина Элиза более чем подходила ему. Он принял решение оставить Клодель при себе, тем самым по сути сохранив ей жизнь.

В 7 часов Бретон поднялся, прошел в душевую, побрился,

принял душ. Проснулась и Клодель:

– Ты уходишь, дорогой?

– Да, у меня дела.

– А что будет со мной?

В ее глазах читался страх. Сейчас она больше походила на нагадившую девочку, ожидавшую наказания родителей, нежели на прожженную проститутку.

– Боишься, что я откажусь от тебя?

– Да. Ведь тогда хозяин продаст меня какому-нибудь дикарю или, еще хуже, Али. А это... это, Эл, смерть. Мучительная смерть.

– Но ты же сама говорила, что любишь, когда тебе доставляют боль?

– Боль, но не мучения. Долгие и нестерпимые.

Бретон подошел, присел на край постели, положив руку на ногу женщины:

– Ты понравилась мне. Но где гарантия, что за спасение ты когда-нибудь не ответишь черной неблагодарностью? Предательством?

Элиза схватила руку Бретона:

– Эл! Клянусь всем святым, я буду верна тебе до гроба. Я буду делать все, что ты прикажешь, и не только в постели. Я стану твоей рабой и никогда не предам тебя.

– Это только слова, Лиза.

– Но мне нечем больше поклясться. Поверь мне, и ты не пожалеешь. В конце концов, ты всегда сможешь убить меня

или вернуть дикарям.

– Хорошо! Я поверю тебе. Но учти, дорогая, если у меня появится хоть малейшее сомнение в твоей преданности, то я убью тебя. И так, что истязания дикарей покажутся тебе детской шалостью. Ты согласна на такие условия?

– Да, Эл, я на все согласна.

– О'кей! Сиди здесь и жди меня. Все, что надо, тебе принесут. Из этой комнаты ни ногой. Понятно?

– Да, Эл!

– Ну а позже мы обговорим наши дальнейшие отношения. Но уже сейчас я обозначу их основной принцип. У тебя нет никаких прав, только обязанности.

– О'кей, Эл!

– Жди! И не скучай! Плетку же выкинь, не провоцируй меня.

– Да, Эл!

Запахнув халат, Бретон вышел из гостевой комнаты. В коридоре встретил помощника Мусаллаха, Бахтияра.

Тот поклонился:

– Ассолом аллейкум, мсье Бретон.

– Привет. Ты меня ждешь? Или всю ночь простоял под дверью, слушая, как я забавлялся с проституткой?

– Я только что подошел.

– Зачем? Ведь с твоим хозяином было договорено, что я выйду, когда хорошенько отдохну. Откуда ты узнал, что я встал и собирался покинуть комнату?

– Душ, мсье! Он только в этой комнате мужской половины дома. Я услышал шум воды. Подумал, если гость принимает душ, то не для того, чтобы вновь лечь спать.

– Вывернулся?

– Я сказал правду. Я всегда говорю правду.

– Боишься потерять теплое место?

– Не хочу, чтобы мне отрезали язык, как Алиму, что до меня служил хозяину.

Бретон покачал головой:

– Дикая страна, дикие нравы.

Бахтияр взглянул на Бретона, и Ален увидел в глазах помощника ненависть.

– Тебе что-то не понравилось в моих словах? – нагнулся к афганцу Бретон.

– Нет, мсье, – процедил помощник полевого командира.

– Что нет? Ты согласен с тем, что я сказал?

– Извините, я лучше промолчу.

– Но тогда и не смотри на меня зверем. Знай свое место.

Где я могу надеть нормальную одежду?

– В большой комнате, она ждет вас.

– А Хайрулла проснулся?

– Саиб встает рано. Он сейчас в кабинете.

– Так это же рядом.

– Да, дверь направо.

– И Хайрулла там?

– Да! Хозяин приказал дожидаться, когда вы проснетесь,

проводить вас в комнату, чтобы вы переоделись, позавтракали, и сопроводить к нему в кабинет.

– А без тебя я дороги не найду?

– Извините, мсье, я исполняю приказ.

– Ладно. Идем переодеваться! Кстати, что у нас на завтрак?

– Для вас приготовили жаркое, по рецепту французской кухни. Из напитков чай, кофе, морс, на выбор.

– Кофе хороший?

– У нас все натуральное, качественное. Кофе бразильский.

– Тогда будем пить кофе.

– Слушаюсь!

В 8.20 Бретон вошел в кабинет Мусаллаха.

– Эл? Салам. Как провел ночь? Хотя можешь не отвечать, сам вижу, она удалась.

– Да, Элиза профи в своем деле. Я хотел бы, чтобы она стала моей.

– Лиза и так твоя. Или забыл? Я же подарил ее тебе. Только прими совет, Эл, будь с ней жестким. До трех-четырех месяцев щенок овчарки послушный, как ребенок, впрочем, он и есть ребенок, только быстрорастущий. А потом начинает проявлять самовольство, команды хозяина исполняет плохо, сует свой нос куда не надо. Чтобы из щенка получился хороший пес, надо в это время вывести его во двор и избить до полусмерти. После чего приласкать, пожалеть. И тогда он

навсегда запомнит, кто его хозяин, и будет служить преданно. Так и женщины. Дай им немного воли, на шею норовят сесть, капризы выставлять. Нельзя давать им расслабиться, Эл. Если что, бить следует нещадно.

– Я запомню твой совет.

– Да ты присаживайся, как говорят русские, в ногах правды нет.

Бретон сел в кресло напротив Мусаллаха.

– Итак, – проговорил хозяин кабинета, – настало время поговорить о главном. Мы создали совершенно новый по качеству и силе воздействия наркотик, которому дали название «Эфа». Оно дано не от названия песчаной змеи, а от растения, которое произрастает на огромных территориях и до сего времени использовалось исключительно в медицинских целях. «Эфа» оригинальный и страшный наркотик. Достаточно одной таблетки, чтобы человек испытал такое наслаждение, по сравнению с которым оргазм мелочь. Главное достоинство этого наркотика в том, что в течение первого месяца регулярного его употребления у наркомана не возникает непреодолимой зависимости от него. Он пьет таблетки, получает сильный кайф, и наутро его не ломает. Нет ломки, нет тяги, но остается желание вновь испытать удовольствие. И употребление «Эфы» кажется ему безвредным. Кстати, применение «Эфы» практически снимает зависимость от других, даже тяжелых препаратов, таких, как героин. Ну, или по крайней мере, сильно ослабевает ее.

Бретон усмехнулся:

– Тебя послушать, Хайрулла, твои химики создали не наркотик, а лекарство от него. Лекарство, доставляющее удовольствие.

– А так оно и есть, но... только первый месяц, дорогой. С шестой недели постоянного употребления «Эфы» организм наркомана начинает стремительно погибать. Отказывают печень, почки, поражается желудок, кровеносная система, разрушается мозг. По результатам практических исследований, никто из «кроликов», людей, которым мы давали «Эфу», дольше трех месяцев не проживал. Три месяца, по-моему, выдержала лишь одна женщина. Остальные погибали через полтора-два месяца.

Бретон поинтересовался:

– И сколько «кроликов» ты посадил на «Эфу»?

– Семьдесят человек, разного пола, возраста, наркоманов и никогда не пробовавших дряни, даже слабой анаши.

– Женщина, что продержалась дольше остальных, относилась к какой категории?

– Странно, но она была конченной наркоманкой, и я еще сомневался, стоит ли тратить на нее препарат? А видишь, оказалась самой стойкой. Но это неважно. В конце концов главное не в том, сдохнет ли наркоман от «Эфы» через полтора или через три месяца. Главное, что первый месяц он будет жрать таблетки днем и ночью и находиться в полной уверенности, что нашел безвредный кайф, мечту любого нарко-

мана.

– Но гибельность «Эфы» через те же три месяца будет выявлена, и наркоманы узнают, что на самом деле представляет собой эта «панацея».

Мусаллах усмехнулся:

– А разве тот, кто колет героин, глотает и нюхает всякую дрянь, не знает о том, что он обречен? Знает и... продолжает колоться. Но героин надо еще приготовить. Он стоит дорого. «Эфа» же – обычная таблетка, которую легко замаскировать под любое лекарство, тот же аспирин, скажем. Препарат даже немного похож на аспирин. Он имеет кисловатый привкус.

– Ты пробовал наркотик?

– Да, один раз. И мне очень хотелось продлить удовольствие.

Бретон кивнул:

– С препаратом мне все понятно, непонятно другое, почему ты не направишь его в Россию? Через Туркмению это сделать не так сложно.

– Да нет, Ален, с юга продвигать наркоту в Россию с каждым годом все труднее. Потери таковы, что они практически сводят прибыль к нулю. Южное направление русские прикрыли. Реализовывать же «Эфу» в среднеазиатских республиках бывшего Союза невыгодно. Во-первых, местные наркоманы сидят традиционно на анаше, что выращивают на своих полях или берут дешево в Чуйской или Ферганской

долинах. А во-вторых, у жителей этих республик просто нет столько денег, чтобы тратить их на новые наркотики. Поэтому мы решили организовать поставку «Эфы» в Европу.

Бретон рассмеялся:

– Интересно, о чем думали главы европейских стран, поддерживавших революционное повстанческое движение в странах Северной Африки и Ближнего Востока? Ну уж точно они не думали о том, что их вмешательство обернется наркотической экспансией против них самих.

– Европейцы пошли на поводу у США. И стали заложниками политики Вашингтона. Но шайтан с ними. Мы сейчас должны как можно быстрее перебросить крупные партии «Эфы» в Грецию, нестабильная ситуация в которой сыграет нам на руку. Но сначала направить службы борьбы с наркоторговлей Евросоюза по ложному следу, который открыл для них ты, Ален. Мы должны убедиться, что сброшенная в Лэнгли дезинформация сработала.

Бретон откинулся на спинку кресла:

– ЦРУ проглотит «дезу», Хайрулла. Мне интересно, Нizar Аль-Галади догадается, что его банально подставляют?

– Я недавно разговаривал с ним. Он уверен, что мы ведем честную игру. Уже сегодня вечером в Ливию чартерным рейсом будет отправлена крупная партия продукции, имитирующей «Эфу», которую Аль-Галади должен на время попридержать на складах у Эль-Азизии. А дальше посмотрим, какие меры предпримет противник, в частности Управление

по борьбе с наркотиками США и соответствующие службы Старого Света.

– Ну, если ЦРУ передает материалы по «Эфе» Управлению по борьбе с наркотиками США, то последнее, уверен, не станет делиться информацией с европейцами. И предпринимать ничего кардинального не будет. А станет также наблюдать за ситуацией, дабы оценить обстановку, просчитать степень угрозы, понять, против кого конкретно направлены действия наркоторговцев. И даже, возможно, пропустит товар в Европу. По большому счету, США интересуется только собственная безопасность. Сильная, сплоченная Европа, да еще поддерживающая хорошие отношения с Россией, Вашингтону не нужна. Белый дом привык диктовать свои условия, а не выслушивать чьи-то, даже своих союзников.

– Но тогда тем более все должно сложиться превосходно. Пока Штаты будут устанавливать контроль над базой у Эль-Азизии, мы спокойно наладим основной маршрут из Сурта в Грецию, на Кипр и Крит. И даже на Балканы, постепенно захватывая рынки таких государств, как Испания, Италия, Франция, стран Бенилюкса.

Бретон прикурил сигарету:

– На словах все выглядит очень уж просто и легко.

– А ты знаешь, Эл, когда мы только планировали организацию наркотранзитов в Россию через Таджикистан, то эта затея многим показалась бредовой. И у скептиков были более весомые основания для сомнений, нежели в случае с

Африкой. Граница между Таджикистаном и Афганистаном охранялась российскими пограничниками, их поддерживали войска мотострелковой дивизии, приданные ей авиация и артиллерия, путь лежал через неприступные перевалы и коварный Пяндж. Казалось, только сунься к реке – и тут же попадешь под огонь русских. Но маршруты все же открыли? А когда русские ушли, так вообще никаких проблем с переправкой опиума-сырца у нас не возникало. А в Ливии сейчас полная анархия. Границы открыты, бывшую Джамахирию заволокли представители всевозможных организаций и движений. Мы контролируем сейчас в Ливии более трети всех формирований так называемого Переходного национального Совета. Под нашим контролем такие стратегически важные города, как Бенгази, Мисураба, Сурт, Зувара. Наши позиции сильны в целом и в богатом нефтью регионе Ливии, Киренаике. А это и аэродромы, и порты. Мы не прекращаем деятельность в Тунисе, Египте, Сирии.

Бретон отложил сигарету, выпустив к потолку струю дыма:

– Так, уважаемый Хайрулла, у Талибана скоро для войны в самом Афганистане сил не останется.

– Останется. Нам хватит сил и для борьбы с армией западной коалиции. Тем более что так называемые силы по поддержанию мира обделались в Афганистане да и в Ираке по полной. И теперь только в высоких штабах думают, как вывести отсюда войска, сохранив лицо. Чтобы не получилось

второго Вьетнама.

– Ну, Хайрулла, это уже слишком. При всем моем уважении к движению Талибан все же далеко не вьетнамская армия, поддерживаемая вооруженными силами Советского Союза. Да, Вашингтон намерен вывести свои войска из Афганистана, но они не побегут. А если что, то развернутся, получат поддержку и так ввалят вам, что Талибану придется отводить свои отряды обратно в Пакистан.

– Хоп, Эл, пусть уходят как победители. Лишь бы ушли, а мы тут потом разберемся, кто истинный хозяин в стране.

– В этом я не сомневаюсь. Но давай вернемся к теме. Меня совершенно не интересует то, что связано с противостоянием Талибана и сил по поддержанию мира в Афганистане.

– А что конкретно тебя интересует, Эл?

– А ты не догадываешься?

– Нет!

– Хитришь, Хайрулла. Ты говорил, что мне в любом случае придется менять внешность, имя, фамилию, поэтому все мои средства переведены на счет лица, которым и должен я стать.

– Все верно, – улыбнулся полевой командир.

– Смена личины стоит дорого, ты готов оплатить и пластику, и подготовку документов. Ты даришь мне шлюху, в конце концов. И все это в благодарность за то, что уже сделано?

Мусаллах продолжал улыбаться.

– А разве твоя работа не стоит подобной благодарности?

– Возможно, она стоит гораздо больше, вот только не в ваших привычках, Хайрулла, платить людям за то, за что можно и не платить. Если я отыграл свою роль и больше не нужен Талибану, то почему не убрать меня? Тем более тогда, когда я нахожусь в полной твоей власти? Ты не убираешь. Это значит, что я еще нужен тебе. В каком качестве, Хайрулла? Давай говорить начистоту, каким образом ты планируешь в дальнейшем использовать меня?

– Я всегда был высокого мнения о тебе, Эл. Ты настоящий профи.

– Обойдемся без комплиментов.

– Хорошо.

Мусаллах поднялся, прошелся по кабинету, перебирая четки:

– После того как ты станешь другим человеком, я по согласованию с Пешаваром намерен использовать тебя по нескольким направлениям. Во-первых, никто, кроме тебя, лучше не справится с решением задачи по организации работы основного маршрута поставки «Эфы» в Европу. Во-вторых, у тебя налажены отношения с Абдалкадиром и его людьми, а также ты имеешь собственную агентурную сеть и в Ливии, и в Тунисе, и в Египте...

Бретон прервал полевого командира:

– А еще в Алжире, Нигерии и Чаде.

– Вот именно. Посему ты станешь нашим представителем

в Северной Африке. Но и это еще не все. Мы намерены наращивать производство нового наркотика. И если в Европу, а через нее и в Россию, мы могли бы внедрить его, в принципе и без твоего участия, то вот без тебя переброску «Эфы» непосредственно в США вряд ли.

Бретон удивленно посмотрел на Мусаллаха:

– Ты хочешь забросить «Эфу» и в Штаты?

– Конечно! Несправедливо лишать американскую молодежь удовольствия, доступного европейцам и даже русским.

– Молодежи Штатов хватает дерьма, что прет из Южной Америки.

– Вот именно, друг мой, дерьма, и дорогого дерьма. Мы же дадим ей качественный и дешевый наркотик. Доступный для всех слоев общества. И ты будешь контролировать поставки «Эфы» в США, вернувшись на родину. Представляешь, каким средствами станешь ворочать?

– Я представляю, какую охоту устроят за мной спецслужбы Штатов.

– Наша программа по внедрению «Эфы» в страны мира ограничена по времени. Мы понимаем, что распространение этого наркотика приведет к катастрофе, сопоставимой с последствиями ядерной войны в плане уничтожения живой силы противника. Поэтому непосредственно производить и реализовывать «Эфу» будем один, максимум два года. После чего просто бросим это дело, зачистив все следы, которые могли бы вывести спецслужбы ведущих держав на нас.

– Но, как говорится, свято место пусто не бывает. Кто-то обязательно и тут же подберет столь прибыльный бизнес.

Мусаллах улыбнулся:

– Верно. Вот на них и обрушатся спецслужбы мира. Мы же останемся в стороне. Главное в бизнесе, да и в жизни что? Знать меру и вовремя уйти из-под удара, подставив под него другого.

Бретон проговорил:

– Что-то подсказывает мне, козлом отпущения ты видишь своего арабского коллегу Абдалкадира.

– Я этого не говорил.

– А еще, Хайрулла, видится мне, что и я стану через год лишним и опасным свидетелем.

– О себе не беспокойся. С закрытием программы «Эфа» наша деятельность не прекращается. Устранение таких про-фи, как ты, непозволительная роскошь для движения. И очевидная глупость. Чего не могу сказать о наших ливийских друзьях.

Бретон кивнул:

– Ты прав. Убивать меня не только глупо, но и небезопасно. За годы службы сначала в бывшем уже Управлении специальных планов, национальном агентстве геопро-странственной разведки и, наконец, в ЦРУ я научился надежно страховаться. Прав ты и в том, что у меня много собственных агентов и не только в стане противника, являющихся профессионалами высокого уровня подготовки. Так что мое

устранение невыгодно.

– Поэтому, повторяю, за себя ты можешь не волноваться.

– У нас на сегодня все?

– Спесишь залезть под юбку?

– Хочу проехаться с ней за город. Не все же сидеть в твоём доме?

– Хорошо. Но... Эл, до того, как поехать с любовницей на природу, нам необходимо заключить контракт на дальнейшее сотрудничество, под который будут выделены деньги для подготовленных мероприятий, в частности проведения пластической операции.

– Так какие проблемы? Давай бланк контракта, я подпишу его.

Мусаллах вздохнул:

– Не все так просто. Бумаги подписывать не надо, это лишнее, да и зачем оставлять компромат против себя.

– Тогда о каком контракте ты говоришь?

– Ты должен кое-что сделать, а мой помощник запечатлеть это на камеру.

– Ваши методы не меняются. Я должен расстрелять заложников?

– Приятно иметь дело с тобой, Эл.

– Значит, бумага не компромат, а видеосъёмка расстрела – материал, полностью компрометирующий меня. Не находишь, что это полная чушь?

– Формальность, Эл. И позировать перед камерой будет

Ален Бретон, ты же в скором времени станешь Робертом Флоренсом.

– Об отпечатках пальцев и сетчатке глаз ты не подумал? Изменить физиономию, убрать шрамы, разные пятна, скорректировать фигуру – это легко, но пальчики-то и глаза останутся прежними? А они зафиксированы в ЦРУ. И твоя пленка может сыграть роковую роль в моей жизни. Так что давай лучше обойдемся без расстрельной формальности и подпишем обычный контракт.

– Нет, Эл, к сожалению, выставляемые условия не моя прихоть. Я исполню приказ. А насчет пальчиков и глаз тоже можешь не беспокоиться. С тобой будут работать лучшие врачи. Они сделают так, что ты превратишься в другого человека. Совершенно другого человека.

– Разве такое возможно?

– Сейчас возможно то, что было невозможно еще вчера. Прогресс!

– Что будет с врачами после операции?

– На твое усмотрение.

Бретон быстро принял решение:

– Они должны исчезнуть. Весь медперсонал, который будет причастен к операции. В живых не должен остаться никто, кто увидит меня до операции и тем более после.

– Хоп, Эл!

– Может, начнешь называть меня Роб? Чтобы привыкнуть быстрее? Кстати, когда намечена операция?

– Предварительно, на 19-е число, в частной клинике пригорода Исламабада.

– Операция должна пройти ночью, медперсонал подлежит ликвидации на месте, при необходимости госпитализации подбери для отлежки другое место. Решение по персоналу обслуживания после операции то же, что и по обычным медикам, – ликвидация!

– Да, Эл! Все так и будет. А сейчас нам необходимо заключить контракт.

– Ладно! Кто жертвы?

– Американцы. Их взяли в плен у Кабула месяц назад. У себя они числятся без вести пропавшими. Их уже не ищут.

– Сколько солдат?

– Трое!

– Чтобы быстрее закончить формальности, – на слове «формальности» Бретон сделал ударение, – мне нужен русский автомат «АК».

– Тебе дадут «АК-74».

– Тогда идем, закончим с этим быстрее, да поеду я с Лизой куда-нибудь подальше от города.

– Я подскажу тебе одно прекрасное место. И выделю охрану.

– Без нее обойдусь!

– Нет, Эл. Пока приказы здесь отдаю я! Охрана будет сопровождать тебя повсюду.

– Ну-ну!

Мусаллах и Бретон прошли из дома во двор, зашли в здание сбоку от гаражного навеса, спустились по бетонной лестнице в прохладный подвал, коридор которого заканчивался помещением, закрытым массивной решеткой. Охранник включил свет, и Бретон увидел троих избитых, обросших, грязных полуголых молодых мужчин, лет двадцати пяти.

Мусаллах подал знак охраннику, тот открыл калитку решетки. Полевой командир и бывший сотрудник ЦРУ вошли в камеру. Молодые люди прижались друг к другу. Мусаллах взглянул на Бретона:

– Вот твой контракт, Ален.

– Зачем тебе убивать их, Хайрулла? Почему не затребовать за них выкуп? Думаю, американцы пошли бы на сделку.

– Янки, может быть, и пошли бы, только я не имею с ними никаких дел.

– Принцип?

– Если хочешь, то да.

– Интересно, Хайрулла, в восьмидесятых годах к тебе в плен попадали русские?

– То было другое время. Один русский был в плену у моего отца. Раненым взяли, одного из взвода, что проводил разведку в Панджшере.

– Его вы тоже казнили?

– Не успели. Сбежал. А потом лагерь разгромила русская авиация. Не сравнивай русских с американцами. Те умели воевать и умирать достойно, как воины, эти нет.

В камеру вошел помощник полевого командира с автоматом и видеокамерой. «АК-74» передал Бретону:

– Как и просили, магазин полон.

Один из американцев приподнялся:

– Я не знаю, кто вы, но вижу, что европеец или даже соотечественник. Неужели вы убьете нас? Мы же сдались в плен, когда нам была обещана жизнь.

Бретон посмотрел на Мусаллаху:

– Это так, Хайрулла?

Ни один мускул не дрогнул на физиономии талиба:

– Да!

– Но раз вы обещали им жизнь, то должны...

Мусаллах прервал Бретона:

– Я никому ничего не должен. Да, мы обещали им жизнь при условии добровольной сдачи в плен. И выполнили обещание. Пленные жили, пусть и как скоты. Но сколько жизни отведено каждому из них, знает только всевышний. Сегодня суждено погибнуть американцам, а завтра, возможно, и всем нам. Не тяни время, Ален, у тебя же еще прогулка с очаровательной мадемуазель Клодель?!

Бретон передернул затворную раму, загоняя патрон в патронник.

Американец, что обращался к нему, закричал:

– Нет! Не надо! Прошу вас! Мы готовы на все...

Его оборвал сосед:

– Не унижайся, Майкл, нас не пощадят.

– Но я не хочу умирать.

Бретон выстрелил в лицо американца, которого звали Майкл. Тот рухнул на своих товарищей, заливая их кровью. В подвале прогремели еще две очереди.

Бахтияр опустил камеру:

– Я все снял, саиб!

– Отлично, – сказал Мусаллах.

Он вытащил из кобуры пистолет, подошел к дергавшимся в судорогах, окровавленным телам американских солдат и выстрелил каждому в голову.

– И зачем? – опуская автомат, спросил Бретон. – Итак понятно, что я убил их.

– Привычка, Эл!

Он повернулся к помощнику:

– Кассету мне на стол. И смотри, Бахтияр, никаких копий!

– Да, саиб!

– Ступай.

Бретон прикурил сигарету. Он смотрел на трупы.

– Что-то не так, Эл? – спросил Мусаллах.

– Да нет, просто парни могли бы жить, останься на родине. Но захотели заработать. Вот и получили расчет. А ведь в Штатах у них наверняка остались родители, девушки, возможно, жены и дети. Идиотская политика, идиотская война.

– Весь мир таков, Эл. Стал таким.

– Ты веришь в конец света, Хайрулла?

– Нам, Эл, смерть не страшна.

- Я спросил, веришь ли ты в конец света?
- Не думал об этом.
- А ведь нам всем отвечать пред богом за грехи свои.
- Не знаю, как ты, а я чист перед Аллахом.
- Как знать? Но ладно, пошли отсюда.

Мусаллах и Бретон поднялись наверх.

Хозяин усадьбы указал на автомобили под навесом:

- В твоём распоряжении, Эл, любая из этих машин.
- И даже новенький «Кадиллак»? Кстати, где ты приобрел его?

– В Пакистане, неплохой внедорожник, да? Красивый, мощный.

- На фоне ослов с арабами он впечатляет.
- Каждому свое!
- Я передумал выезжать на природу.

Хайрулла бросил на Бретона быстрый взгляд:

- Позволь узнать почему?
- Расхотелось.

– После американцев? Я думал, у тебя крепкие нервы.

– Дело не в нервах, Хайрулла. Просто твои люди не дадут провести время так, как я хотел бы. Ты же не отменишь свое решение об охране? Поэтому я останусь дома. С Лизой мы неплохо отдохнем и в моих так называемых апартаментах.

– Что ж, как хочешь.

– Распорядись, пожалуйста, насчет обеда и ужина, чтобы его подали в мои комнаты.

– Кальян?

– Нет! Вдыхай эту наркотическую дрянь сам.

– Дело твое.

Оставив Мусаллаха во дворе, Бретон поднялся в свои комнаты. Клодель сидела перед зеркалом, занимаясь ресницами и бровями.

– Это ты, дорогой?

– Это я, дорогая. Бросай косметику, принимай душ и в постель.

Элиза удивленно посмотрела на Бретона:

– Что, прямо сейчас?

– Ты что-то имеешь против? – нагнулся к ней Бретон.

– Нет, дорогой!

– Так какого черта наводить макияж. Отрывай свою задницу от пуфа и в душ.

– Да, да, конечно!

Сбросив с себя летний костюм, Бретон настроил кондиционер на максимальную мощность, лег на широкий топчан. Он думал о сексе с проституткой, совершенно выбросив из головы убийство трех молодых американских парней. И в этом был весь Ален Бретон.

Глава 3

Москва, 15 июня.

Старший лейтенант Шинкевич остановил такси у супермаркета. Обернулся к сидевшему сзади Грачеву:

- Здесь выйдем.
- Что-то никакого увеселительного учреждения не наблюдаю.
- Оно рядом за углом, пешком дойдем.
- Ладно, – кивнул связист отряда специального назначения «Z».

Шинкевич рассчитался с таксистом.

Тот, приняв деньги, спросил:

- Надолго, ребята, решили зависнуть в «Вампире»?

Шинкевич не без удивления посмотрел на молодого парня:

- Ты знаешь это кафе?
- Еще бы. Я тут все в округе знаю.
- Нам посоветовали «Вампир» как вполне сносное кафе, что ты о нем слышал?
- Есть места и получше, но, в общем, и «Вампир» – кафе нормальное, одно неудобство, рядом с банком. Стена общая.

– Ну и что?

– А то, что на зданиях камер видеонаблюдения немерено натыкано. Какой скандальчик, мордобой, менты в момент срисуют.

Грачев спросил:

– А что, публика в «Вампире» агрессивная?

Таксист вздохнул:

– А кто из нас не агрессивный, когда немного на грудь кинет?

– Это точно. Девочки?

– Девочки в «Вампире» что надо, без особой экзотики, правда, но красивые. Только для такого заведения дороговато. За ночь штук двадцать берут.

– Отрабатывают?

– Это да. Я частенько сюда одного адвоката раньше возил. Потом подружек к нему на хату доставлял. Известная личность, не хотел ненужной огласки.

– А где девочки услуги оказывают? – поинтересовался Шинкевич.

– Есть комнаты на втором этаже, но это для рядовых случек, а так апартаменты в новом доме, что не виден из-за супермаркета.

– Без наколов бадыга?

– Нет, в «Вампире» все по-честному. Заплатил – получил.

– Ладно! Выходим, Грач!

Таксист протянул Шинкевичу визитку:

– Мой телефон. Понадоблюсь, вызывайте. Смогу, подлечу сразу.

Старший лейтенант взял визитку:

– Давай, парень, удачи! А может, и до встречи.

– Вам приятно провести время. А утром вызывайте. Пока дороги не забьются пробками, со скидкой довезу.

– Учтем!

Офицеры специального секретного отряда вышли на улицу. Шел не по-летнему мелкий, прохладный дождь.

Грачев поежился:

– И чего мы тут вышли? Что, не могли прямо к «Вампиру» подъехать?

– До него ходьбы пять минут. И я решил, что неплохо перед тем, как завалиться в кафе, взять в супермаркете пузырь водки да проглотить его в укромном местечке. Наверняка в кафе будут подавать всякие коктейли да вискарь, а от этой бурды меня выворачивает.

– Слушай, Блондин, – так называли в отряде старшего лейтенанта из Белоруссии Федора Шинкевича, – а откуда ты вообще узнал про этот «Вампир»? Сколько лет обитаю в Москве, ни разу даже не слышал об этом кафе, а ты у нас наездами, и в курсах.

– Интернет – великое достижение последних десятилетий.

– Так ты по рекламе его вычислил?

– Да!

– Я-то думал, ты уже был там.

– Какая разница, Грач? Понравится – останемся, не понравится – свалим. Тем более такси, считай, под задницей. Вызовем своего таксиста, он нас в другое место отвезет. Но, думаю, нечего шарахаться. У нас всего два дня отпуска осталось. Если начальство завтра же не нагрузит работой. Так что надо пользоваться моментом. А то бросят к черту на кулички давить всяких придурков, не до расслабухи будет.

Грачев согласился:

– Ладно! Расслабимся. Но уговор, если снимем телок, то только до восьми утра и чтобы поблизости друг от друга. Утром вместе на базу вернемся.

– Да не потеряемся, Андрюх.

Офицеры спецназа зашли в супермаркет, купили бутылку «Русской», в буфете прихватили пластмассовые стаканчики, на закуску взяли бутерброды. Упаковав все это в пакет, вышли на улицу. Дождь прекратился.

– Вот это дело, – посмотрев на темное небо, сказал Шинкевич, – дождь, конечно, лучше жары, но сейчас он совершенно не нужен. Вопрос: где пузырь раздавить? У въезда на стоянку хорошее местечко, но там тачка ППС стоит. Специально, что ли?

– Ага, прямо по твою душу.

– Почему по мою? По наши, грешные души. А точнее, по закону подлости. Как будто других мест для них мало.

– Служба есть служба, – сказал Грачев.

– Чего? – протянул белорус. – Это у них-то служба? Их

бы к нам в отряд, пусть даже в резерв.

– Каждому, как говорится, свое.

– Согласен, но куда двинем? С водкой нас в кафе вряд ли пропустят, не будешь же из-за такой мелочи корочки светить?

Грачев осмотрелся, произнес:

– По той стороне пятиэтажки-хрущевки. Между ними должны быть дворы, детские площадки. Раньше строили по уму, чтобы всем хорошо было, и мужикам, насчет водочки да партии домино, и детям. Всем. Это сейчас налепят высотки одну к другой так, что из окон видно все, что в соседнем доме делается. Раньше было по-другому.

– Тогда во двор пятиэтажки?

– Больше некуда.

– Пошли.

Во дворе нашли место на качелях, у сломанной «горки», все остальное пространство, включая «зеленую» зону, было уставлено машинами.

– Вот тебе и простор, – усмехнулся белорус.

– У вас в Минске лучше, что ли?

– У нас в Минске, Андрюха, за подобную парковку в момент со всех тачек номера снимали бы. У нас никто и не ставит машину в неположенном месте.

– Ну да, конечно, я и забыл. У вас же еще советский порядок.

– И ничего плохого, кстати, в нем нет. Это не только мое

мнение, это мнение большинства народа. И не раздувай политическую тему. Считаешь, что у нас диктатура, считай, сколько влезет.

– Да ладно, Блондин. Давай стаканы и бутерброды.

Шинкевич достал тару и закуску, Грачев открыл бутылку.

Разлил водку по стаканам:

– Вздогнули!

– Ага!

Офицеры выпили, закусили, прикурили по сигарете.

Шинкевич посмотрел на часы:

– 23.10! А кафе, как верить рекламе, ночное... Нормально. Успеем. Надеюсь, девочек местные ребяташки и адвокаты не разберут.

– Кто знает?!

– Ерунда, но давай допивать. Спешить нам некуда, а вот поторопиться стоит.

Грачев улыбнулся:

– Это как?

– Молча, Андрюха, молча!

Добив бутылку, офицеры положили ее и стаканы в пакет, двинулись к выходу со двора, на углу бросили пакет в урну.

К кафе с необычным названием «Вампир» подошли в 23.35. На подходе Шинкевич проговорил:

– Не пойму, почему бадые дали такое название? «Вампир», ничего получше придумать не могли?

– Хозяин, видно, с юмором, – усмехнулся Грачев. – Вам-

пир что делает? Кровь высасывает, а кафе бабки из клиентов.

– Да, юморной мужик.

На входе Шинкевича и Грачева встретили два охранника.

– Пардон, господа, – сказал один из них, преграждая дорогу, – мы обязаны проверить вас.

– Документы предъявить? – спросил Грачев.

– Документы ваши нам не нужны. В кафе запрещено проносить оружие, в том числе и газовое, электрошокеры, ножи, свое спиртное, ну и, естественно, наркоту.

– Все это можно приобрести внутри? – взглянул на охранника Шинкевич.

– Вы хотите, чтобы мы не пустили вас. Так это тоже за просто.

– Шуток не понимаешь? – улыбнулся Грачев.

– Я сюда поставлен не шутки шутить.

– Ладно, ладно, – вышел вперед Шинкевич, – положено проверять, проверяйте, ничего из названного вами у нас с собой нет.

Охрана проверила сканером офицеров, расступилась:

– Милости просим в «Вампир»!

– Это звучит как милости просим в ад.

– Скорее в рай, господа.

Основной зал довольно большого кафе, с полукабинами вдоль стен, длинной стойкой бара, танцплощадкой и балконом над кабинами, встретил Шинкевича и Грачева оглуши-

тельной клубной музыкой и полумраком, пробивающимися лучами цветных прожекторов, меняющих направление и частоту включения в такт музыке. Посреди танцевальной площадки в самых неестественных позах, что больше являлось эффектом светомузыки, дергались молодые парни и девушки. За стойкой бара не было ни одной свободной тумбы. А вот за тумбой, вокруг освещенных однотонным мощным светильником были хорошо видны девочки в откровенно открытых одеждах, чулках, туфлях на высоких каблуках, таких же красивых, как и развратных, бросавшие откровенные взгляды на мужчин.

– Ну и грохот, – проговорил на ухо Шинкевичу Грачев, – оглохнуть, к чертям, можно. На полигоне во время стрельбы из гранатометов тише.

– Сравнил, там простор, здесь замкнутое пространство, зато гляди, за стойкой какие шлюшки?! Ягодки.

– Это они сейчас ягодки, а с утра посмотришь – и за голову схватишься, как я мог с такой страшилой в постель лечь.

– Утром ерунда, главное сейчас. А еще главнее, что без девочек не останемся.

– Что, сразу к ним пойдем?

– Так не принято. Да и не станут они напрямую базарить. Они же дамы, их надо сначала угостить, комплиментов, как лапши, навешать. Потом договориться.

– Да ладно, Блондин?! На хрена все эти загоны? Подвалим, снимем да по номерам. Да и где здесь присесть? Кабины

все заняты, у стойки толпа, хотя людей-то, в общем, немного, человек пятьдесят.

К офицерам подошел молодой парень в черных брюках, лакированных туфлях, белоснежной сорочке с закатанными до локтей рукавами, повязанной ядовито-желтым галстуком.

– Добрый вечер, господа! – поздоровался он.

– Привет, – ответил Грачев.

– Вижу, вы у нас впервые?

– Да! – сказал Шинкевич. – И начинаем сомневаться, то ли заведение выбрали?

– А что не так?

– Ты администратор? – повернулся к нему Грачев.

– Можно сказать, и так.

– Ну, тогда скажи, где здесь можно устроиться двум солидным мужчинам? Заказать приличное пойло, пригласить девушек. Все же забито. Вы бы предупреждали на входе, мест нет.

– Ну почему нет? Для солидных мужчин у нас есть все, чтобы приятно провести время.

Шинкевич посмотрел на администратора, прочитав на визитке его имя:

– И где, Паша, здесь это все?

– На балконе! Когда играет музыка и работают прожектора, снизу его не рассмотреть, зато сверху хорошо видно все. Правда, столик на балконе обойдется вам в сто баксов, но, поверьте, сервис наверху стоит этих денег.

– Три штуки, короче, да? – спросил Шинкевич.

– Да, всего три тысячи рублей, но принимаем и валюту.

– Кому платить? Тебе?

– Нет, пойдемте, я провожу вас до лестницы. Подниметесь на балкон, выберете столик, позовете официанта, ему оплатите места и все остальное, что только ни пожелаете.

– Ну это другое дело, – воскликнул Грачев, – а музыку потише сделать нельзя?

– За деньги, господа, можно все, и вам это известно не хуже меня, но наверху, уверяю вас, гораздо тише, нежели в общем зале, где в основном тусуется молодежь.

– Как насчет дури, Паша? – посмотрел на администратора Грачев.

– Все вопросы к официанту. Но тяжелых наркотиков в кафе нет. Но это только в здании кафе. Так вы идете?

– Конечно! – ответил Шинкевич.

Администратор подвел офицеров к лестнице, которая находилась у прохода в туалеты и у которой стоял внушительного вида лысый охранник и худой парнишка в строгом костюме при бабочке.

Администратор кивнул охраннику, тот отошел в сторону. Вперед вышел парень.

– Леня! Принимай клиентов!

Парень сразу надел на лицо приветливую улыбку:

– Здравствуйте, господа, прошу пройти за мной.

– Привет, Ленчик, – подмигнул ему Грачев.

Официант, Шинкевич и Грачев поднялись по лестнице на балкон, где вдоль перил с отдельными лампами стояли столики с кожаными креслами. Шинкевич быстро по привычке осмотрел балкон. Здесь народу почти не было. Толстяк, на коленях которого восседала длинноногая с распущенными волосами девица. Смеялась она неестественно над чем или от чего, оголив полные мускулистые ляжки до черных трусов, чуть ли не на плечи толстяка положив пышные груди, да две пары, скорей всего бизнесменов средней руки и их секретуток. Хотя, возможно, и жен.

Официант обвел рукой балкон:

– Выбирайте, пожалуйста, столик, господа.

Грачев указал на средний, между столиками толстяка и бизнесменов.

– Этот!

– Прекрасно! Павлик предупредил вас, что здесь места платные?

Шинкевич достал из кармана стодолларовую купюру:

– Держи!

– Благодарю. Меню на столе, как будете готовы сделать заказ, позовете меня, я отойду в сторону, чтобы не мешать вам.

– Погоди, Ленчик, – остановил его Грачев. – Сейчас уже за полночь, а ваш «Вампир» работает...

Официант не дал договорить офицеру:

– Я все понял, не беспокойтесь... Вы можете отдыхать до

утра.

Официант отошел. Грачев открыл меню:

– О! Тут не только клоповник да коктейли, но водка имеется. Стоит, правда, триста граммов как полтора литра, но все же. Значит, заказываем водку?

– Водку! – кивнул Шинкевич. – Два по триста.

– Согласен! Надо бы шампуня взять, для подружек.

– Не спеши, может, они текилу предпочитают. С ними от-дельно разберемся.

– А на закуску чего брать? Я лично жрать не хочу. Да еще перед сексом.

– Я тоже не хочу, но мы же VIP-клиенты, так что заказывать придется, и не салаты, а что-нибудь посерьезней.

– Да тут салат стоит как две порции шашлыка.

– У тебя, Грач, бабок нет? Завтра начальство забросит отряд в горы, там ни рубли, ни доллары, ни евро не нужны будут.

– Но я ни хрена не понимаю в меню.

– Не ломай макушку. Пусть официант выберет закуску сам.

– Он тебе выберет. Все, что указано в меню, на стол выставит.

– Сиди спокойно!

Шинкевич подозвал официанта. Тот подошел, угодливо нагнул голову:

– Да, господа?

– Нам, короче, водки, два по триста, воды минеральной.

А закуску выбери на свой вкус, но учти, мы сюда не ужинать пришли.

– Понимаю. Что-нибудь еще?

– А ты не знаешь?

– Догадываюсь, однако вы сами должны определиться с желаниями.

– Девочки нам нужны.

– Они за столиком и у стойки бара. Отсюда их хорошо видно. Девушки отменные, чистые, без каких-либо предрассудков. Я пока выполню заказ, а вы выберете себе подруг. Они, кстати, время от времени встают и проходят вдоль стены, так, чтобы клиент мог оценить фигуру, достоинства. Доставлю заказ, вы скажете, с кем хотели бы провести время.

– Но мы должны знать, кто какие услуги оказывает, – сказал Грачев.

– И с этим определимся! Не сомневайтесь, вы останетесь довольны и еще не раз придете к нам. Либо мы к вам. Кафе обслуживает постоянных клиентов и у них на дому.

– Нормально! Давай, Ленчик, не задерживайся, мы с девочками определимся быстро.

– Хорошо!

Шинкевич и Грачев устремили взгляд на проституток. Те действительно по очереди и как по команде вставали, проходили по залу вдоль торцевой, покрытой гобеленом стены, выставляя напоказ свои достоинства, садясь на место и поднимая глаза на балкон. Одну из них увел какой-то парень из

зала.

Шинкевич спросил товарища:

– Ну что, Андрюха, кого выбрал?

– Брюнетка слева, с короткой прической в розовых чулках ничего. И фигурка у нее что надо, особенно попка. Круглая, аккуратная.

– Грудь маленькая!

– Нормальная. А тебе что, самый большой размер нужен?

– Я, – прикурил сигаретку Шинкевич, – уважаю крупных и плотных баб. Как та сучка, что толстяка облепила.

– Так внизу две такие же.

– Не слепой. То-то и плохо, что две, и обе чертовски привлекательны.

– Бери блондинку. У меня будет брюнетка, у тебя блондинка.

– Не-е, возьму ту шатенку с пучком.

– Так она раскрашена, как картина авангардиста?!

– Ничего! Лишнее смоем.

– Ну, гляди, дело твое!

– У, бляха-муха, я уже готов разложить ее!

– В чем проблема? Соседний столик пуст. Действуй, она уместится, а ноги поднимет, как раз в потолок и упрется.

– Грач! Помолчи, а?

– Понял, молчу!

Вернулся официант с подносом. Выставил на стол графины с водкой, рюмки, тарелки с каким-то непонятно из чего

приготовленным салатом, блюда с жареным мясом в оформлении всевозможной зелени:

– Думаю, это придется вам по вкусу, господа.

– Ладно, – не глядя на заказ, произнес Грачев, – давай теперь по девочкам.

Официант подошел к перилам балкона:

– Слушаю вас, господа.

Шинкевич затушил сигарету:

– Мне телочку что справа, нет, слева, а... черт, давай все же ту, что справа, из тех двух, которые на одном диване сидят. Крупные которые.

– Понял.

Официант взглянул на Грачева.

– А мне брюнетку с короткой стрижкой в розовых чулках.

– Отличный выбор.

Он достал из кармана сотовый телефон.

– Погоди, Ленчик, – остановил его Шинкевич, – ты объясни, что за условия траха у вас, сколько, как?

– Хорошо. Значит, так. Выбранные вами девушки поднимутся сюда. Как посидите, поговорите или сразу, без подготовки, договорившись обо всем с ними, позовете меня. Рассчитаетесь за заказ. Я вызову машину ко входу, которая отвезет вас к дому, где находятся апартаменты, двухкомнатные благоустроенные квартиры. Этот дом недалеко. Переезд займет минуты. Девушки оказывают любые услуги на ваше усмотрение. Апартаменты под охраной. Расценки следую-

щие, два часа – пять тысяч рублей, четыре часа – восемь тысяч, ночь или восемь часов – пятнадцать тысяч. Если вдруг девушки не подойдут вам, вы сообщите об этом охране, которую увидите в подъезде, и мы подвезем вам других. Но такого на моей практике еще не случилось.

– Ясно, а что они пьют, ваши девушки?

– Вообще-то им не рекомендуется пить больше бокала. Здесь, в кафе. Я имею в виду бокала вина. Естественно, если клиент пожелает, чтобы они пили больше, как, например, мужчина справа от вас. В апартаментах есть разное спиртное, от легкого вина до виски.

– А водка? – поинтересовался Шинкевич.

– Есть и водка, – улыбнулся парень. – В апартаментах и девушки могут пить столько, сколько позволит клиент. И это спиртное в счет оплаты услуг не входит.

– Пойдет! Давай сюда девочек.

Официант нажал клавишу вызова:

– Мари! Бери с собой Свету, и поднимайтесь на балкон.

Он отключил телефон:

– Минуту, господа.

И действительно спустя пару минут к столику подошли выбранные офицерами проститутки. Они посмотрели на официанта.

Он распорядился:

– Мари, твой мужчина справа, Света, твой слева.

Девушки присели рядом с Шинкевичем и Грачевым.

– Привет, мальчики.

– Привет, девочки, – ответил Грачев.

Официант сказал:

– Я буду рядом.

– Давай.

Шинкевич притянул к себе крупную девицу:

– Водочки?

– Я бы выпила шампанского!

– Ленчик, – подозвал не успевшего отойти официанта, – шампанского.

Мари тоже выбрала шампанское.

Но расслабиться офицерам не удалось.

Не успел официант принести шампанского, как в холле раздались хлопки. Никто из присутствующих в зале и на балконе, включая персонал, не обратил на них внимания. И только спецназовцы поняли, что означают эти хлопки.

Шинкевич отпустил проститутку:

– Грач! Слышал?

– Слышал. Похоже «Винторез» или одиночные из «Вала»!

– О чем вы? – удивленно взглянула на Грачева брюнетка.

– О том, дорогая, что скорее всего нам будет не до секса.

– Но почему?

– Так, девочки, выполнять все наши команды, ясно?

– Но что...

Ее слова прервала хлесткая автоматная очередь, сбившая со стен часть прожекторов. Оборвалась музыка. Кто-то вни-

зу дико закричал. Прогремела вторая очередь. Шинкевич крикнул Грачеву:

– Уходи с девицами в конец балкона. Там вторая лестница.

Грачев схватил за руку брюнетку:

– За мной, Мари, Света, не отставай.

– Но что произошло?

– То, что часто показывают по телевизору. Но, отставить базар, быстро за мной!

– Сидите там как ни в чем не бывало и не высовывайтесь за перила, – приказал Шинкевич, – я оценю обстановку, подскочу!

– Понял. Вперед, девочки. Быстро, мать вашу!

Грачев увел проституток.

Шинкевич, укрываясь за массивными балясинами ограждения, смотрел вниз. В зал ворвались пятеро мужчин в спортивных костюмах в масках и с автоматами «АКС-74У» – автоматами, имеющими укороченные стволы. Один из неизвестных дал еще одну очередь в потолок и крикнул:

– Всем на пол! Это захват! За неповиновение или оказание сопротивления расстрел на месте.

Беззаботно танцевавшая до этого молодежь рухнула на пол, собираясь машинально в кучу, стараясь укрыться друг за другом. К ним бросились проститутки и официант. Бармен, администратор и крепкого телосложения охранник остались на месте. Более того, охранник вырвал из кобуры

травматический пистолет.

«Дурак, – подумал Шинкевич, – бросай пукалку, падай на пол».

Но охранник выстрелил. Резиновая пуля ударила в спину того, кто стрелял в потолок. Бандит повернулся и, что-то выкрикнув, всадил в тело охранника длинную очередь. Второй бандит выстрелил в неподчинившегося бармена, снеся ему полчерепа. Администратор поздно понял, что произошло. Он поднял руки, сдаваясь. Но третий бандит уже направил на него короткий ствол автомата и нажал на спусковой крючок. Короткая очередь отбросила администратора на охранника.

– Эх, Паша, Паша, дурила! – потрянул головой Шинкевич, продолжая наблюдать за тем, что происходит внизу, не выпуская из виду главную и ближнюю ко входу лестницу. Соседи по балкону, не дожидаясь отдельной команды, забились под столы. Правильно, в принципе, сделали. Но бандиты уже пролили кровь, и теперь, каковы бы ни были их цели – ограбить посетителей, снять кассу или захватить кого-то из всей толпы, – они уже не остановятся, так как перешли ту отметку, что называется точкой возврата. Тройное убийство не оставляло бандитам иного выхода, как брать всех оставшихся в заложники, что кардинально меняло общую обстановку. Впрочем, просчитать до конца, что будут делать неизвестные бандиты или террористы, пока не представлялось возможным. Ненадолго. Вскоре их планы стали ясны спецназовцам.

В зал вошли еще шесть вооруженных человек. За ними четверо, трое из которых внесли в помещение ящик и большую ширму, которые установили у торцевой стены. После чего двое из них по задней лестнице начали подниматься на балкон. Шинкевич бросился к столику, где обосновались Грачев и проститутки.

– Все на пол. Под стол. Лежать не двигаться! – произнес он, сбрасывая с кресла выбранную для секса Свету. Грачев уложил рядом с собой Мари, приказав ей:

– Лежать тихо, не дергаться. Если хочешь жить. И ни при каких обстоятельствах не подавать голоса, пока это не потребуют бандиты.

– Но кто они?

– Узнаем! Молчи!

Грачев шепнул Шинкевичу:

– Надо с Трепановым связаться.

Белорус кивнул, вытащил из кармана миниатюрный динамик, вставил в ушную раковину, подтянул к себе руку, дважды нажал на установщик времени часов. Окошко фиксирования даты мигнуло зеленым светом. Спустя десять секунд Шинкевич услышал голос помощника представителя России в «Совете шести» генерала Белоногова полковника Трепанова:

– Принял экстренный вызов. Что произошло?

– Мы с Грачевым в кафе «Вампир».

– Дальше?

- Кафе только что захвачено вооруженной бандой.
- Прелестно. Продолжай.
- Банда в масках, вооружена автоматами «АКС-74У».
- Сколько человек в банде?
- Пятнадцать, может, больше. Точно установить не удалось.

– Профи?

– Черт их знает. Одеты в спортивные костюмы, маски самодельные. С ходу завалили трех человек из персонала, администратора, бармена и одного из охранников, скорей всего положили и охрану на входе. Посетителей кафе уложили на пол, трое из банды пронесли к торцевой стене ящик и ширму. Установили ширму, что происходит за ней, не видно.

– Я тебя понял. Связываюсь с Белоноговым. Ведите себя, как обычные посетители. Дальнейшие ваши действия будут определены дополнительно. На меня выходить только в экстренных случаях.

– Понял. До связи!

Шинкевич отвел руку в сторону.

Проститутки смотрели на него, открыв рот:

– А чего это было? С кем ты разговаривал?

– С вашим сутенером, Света, чтобы понизил тариф из-за неудобств, испытываемых сейчас в кафе.

– Ты шутишь?

– Да! А ты молчи.

Грачев повернул к себе брюнетку:

– И ты ротик закрой на замочек.

– Вы не обычные клиенты.

– Конечно, Мари, мы VIP-клиенты, раз оказались на балконе этого дерьмового заведения.

Шинкевич кивнул Грачеву:

– Посмотри вниз!

– Момент.

Андрей немного изменил положение и смог видеть, что происходило внизу. А там бандиты окружили лежавшую толпу. И было их в зале восемь человек. Один из которых, видимо старший, зашел за стойку, выбросил в проход тело бармена, снял со стеллажа бутылку виски. Посмотрел этикетку, забросил за спину, уселся на место бармена, положив перед собой автомат и радиостанцию малого радиуса действия, но оснащенную системой кодирования сигналов и блокирования приборов пеленгации. Двое у центральной лестницы балкона, внизу на выходе тоже двое. Ну и двое рядом. Итого в кафе четырнадцать, нет, пятнадцать человек, один как был при ящике и ширме, так и оставался там. В фойе наверняка человек пять. Пара человек, видимо, на крыше, хотя на крыше может быть и один боевик. Что говорил таксист? Кафе находится в одном здании с банком. Точно, слева было здание двумя этажами выше. На крышу банка бандиты посадить наблюдателя не в состоянии, но и оставить без внимания подход сверху тоже не могут. Значит, одного «дятла» посадят на крышу кафе, там можно замаскироваться за ре-

кламными щитами и вести наблюдение за подходами к объекту с трех направлений вниз по улицам и сверху со стороны банка. Банк! Не ради ли него затеяли игру эти кровавые мальчишки?

Предположением Шинкевич поделился с Грачевым.

Тот пожал плечами:

– Вполне возможно, посмотреть бы, что духи делают за ширмой и что в ящике, который они пронесли к стене.

– Вот и я о том же, на хрена закрываться от зала ширмой, занеся туда ящик явно не с хозяйственным мылом. Только как посмотреть?

Снизу раздалась команда:

– Внимание всем, мобилы бросить к стойке. Потом обыск. У кого найдем телефон, завалим. Выполнять.

Двое бандитов на балконе вышли на середину VIP-зала:

– Вас тоже это касается.

Толстяк, две парочки, Шинкевич и Грачев отбросили сотовые телефоны. Один из бандитов ногой сдвинул их в кучу. Боевики сели на диван у окна, напротив столика, под которым лежали толстяк и его спутница.

В это время, когда в зале установилась тишина, вдруг голос подала женщина толстяка:

– Ну все, блин, я больше не могу.

Толстяк пытался ее удержать:

– Лежи, сука.

– Да пошел ты!

Проститутка вылезла из-под стола.

Бандиты наставили на нее автоматы:

– Куда, стерва? Назад, к своему уроду!

– Мне в туалет надо.

Один из боевиков усмехнулся:

– Что, обоссалась?

– Пока нет, но на подходе.

– Под себя ссы, курва!

Женщина была сильно пьяна и не могла реально оценивать сложившуюся ситуацию:

– И вы пошли на хер. Вот сяду сейчас перед вами.

Снизу раздался крик:

– Эй, наверху! Что у вас?

Боевик, что усмехался, ответил:

– Да шлюха тут бухая вдрабадан в сортир захотела. На хер посылает, не подчиняется.

– Ты не знаешь, что делать?

– Да что с нее взять, шеф?

– Убей ее!

– А может, трахнуть сначала? Слишком уж аппетитная.

– Я тебя сам трахну, идиот. Выполняй приказ.

Бандит поправил автомат и нажал на спусковой крючок. Пули разорвали грудь женщины, выбив из нее фонтаны крови. Она рухнула в кресло, под ней растеклась лужа.

– Обоссалась-таки, сука!

– У трупов всегда так, что внутри, все прет наружу. Ты,

жирная свинья, – крикнул он толстяку, – а ну вылезь.

– А я что? Я ничего. Я исполняю ваши приказы.

– Вылезь, не бойся, не тронем.

Толстяк выбрался из-под стола, на пол упал бумажник. Он нагнулся за ним.

– Стоять, – отдал приказ боевик, – а ну-ка брось лопатник сюда.

Толстяк подчинился.

Бандит, поймав портмоне, раскрыл его:

– Ого! Да тут полно «зелени», ты кто будешь?

– Васнецов, Дмитрий Николаевич.

– Да мне по хер твое имя, промышляешь чем?

– Так, бизнесмен, дело у меня небольшое.

– Еще бабло есть?

– Мелочь!

– Высыпай все на пол.

Толстяк вывернул карман. На пол упало несколько мелких купюр и с десяток монет.

– Это себе оставь. А сейчас оттащи свою шлюху к лестнице да гляди, ты на прицеле. Дернешься – отправишься вслед за ней, понял?

– Да, да, понял.

– Работай, бизнесмен.

Толстяк оттащил труп женщины, положил у стены напротив лестницы, вернулся, по команде бандитов забился под стол. Боевики пересчитали банкноты, поделили их между со-

бой, портмоне кинули толстяку.

Снизу вновь раздался громкий крик:

– Наверху! Что у вас?

– Все ништяк, шеф!

– Вы не сидите там, посматривайте за клиентами да в окна. Скоро сюда должны менты нагрянуть. Выстрелы были слышны на улице.

– Да, шеф!

Бандиты встали, пройдясь по балкону, один встал у крайнего справа окна, другой у левого. Затем они сошлись на середине. Тот, кто убил женщину, крикнул вниз:

– У нас спокойно, на улице ничего подозрительного.

– Смотрите там.

– Понятно!

Часы на руке Шинкевича провибрировали сигналом вызова. Он тихо ответил:

– Блондин.

– Трепанов. Что в кафе?

– Боевики убили еще одного человека. Проститутку.

– Что-то уж слишком агрессивно они настроены.

– Значит, на серьезное дело вышли. Нервничают, хотя по их старшему, что находится за стойкой бара, этого не скажешь.

– Что делают бандиты?

– Основная часть держит на прицеле отдыхавших, а вот за ширмой у торцевой стены чем-то один занимается. Таксист,

что подвозил нас, говорил, что кафе соседствует с банком. И эта стена, судя по всему, является общей и для кафе, и для банка.

– Думаешь, цель бандитов банк?

– Предполагаю.

– Проверим, чем они там за укрытием занимаются. К кафе подогнали машину с «Рентгеном», сейчас просветим заведение.

– Наших тоже подняли?

– Да, они переброшены вертолетом к Кремлю. Скоро будут у объекта. Вам надо определить, откуда с наименьшим риском возможно провести штурм.

– Это я и сейчас могу сказать. Балкон очистим мы с Грачом, оттуда ударим по их старшему и открытым внизу целям. Рыл пять-шесть в зале срубим...

– Ты погоди, Блондин. Не гони лошадей. Никаких действий, пока не просчитаем их цель и не получим полную информацию по содержанию ящика, не проводим. А то устроим фейерверк с десятками трупов и обрушением здания, если в ящике – взрывчатка.

– Понял.

– Ты скажи, как тащили ящик, легко или с напрягом?

– Ну будто в нем килограммов десять.

– Понятно. Отслеживать обстановку, быть на связи. Повторяю, никакого геройства.

– Есть никакого геройства. Предупреждение.

– Да?!

– Боевики, что пасут нас на балконе, время от времени смотрят в окна за подходами к зданию с улицы. Думаю, им надо показать ментов. Немного и в качестве оцепления. Подогнать автобус спецназа.

– Это решим. Все, отбой!

– Отбой!

Проститутки, слышавшие то, что говорил Шинкевич, широко открытыми глазами смотрели на своих бывших уже клиентов.

– Ну что так смотришь, Светик-самоцветик? – спросил у своей девушки Шинкевич.

– Вы кто?

– Тебя это не касается. Ни тебя, ни твою подругу. Лежите спокойно, и все будет, как надо, вот только расслабиться нам сегодня, к сожалению, уже не удастся.

– Да какая сейчас может быть расслабуха? – воскликнула Мари.

Грачев закрыл ей рот рукой:

– Ты захотела прилечь рядом с подругой, что обслуживала толстого? Молчать всем!

Но бандиты слышали голос Мари.

Один из них подошел к столику, под которым лежали офицеры со шлюхами:

– Так! Кажется, еще непонятливые объявились?

Ответил Грачев:

– Да все спокойно, начальник, шлюха, дура, чулком за стойку стола зацепилась. А так мы ничего.

– Ты кто будешь? – нагнулся к нему боевик.

– Бродяга. Откинулся недавно, вот решил погулять, не получилось. Но мы не в претензии. Ваши дела – это ваши дела.

Бандит усмехнулся:

– Еще бы ты имел претензии?! За что сидел-то?

– Ты извини, браток, но такие вопросы не принято задавать.

– Деловой, да?

– Да нет, просто привык, чтобы все по понятиям было.

– Отдыхай пока, бродяга. Погуляешь еще.

Боевик отошел от стола. Подельник спросил его:

– Чего там?

– Все нормально! Сиделец тут оказался. Кайфануть после зоны хотел.

– Возмущается?

– Нет. Сказал же, все нормально.

– Ты у него справку об освобождении смотрел?

– А на хрена? Кому нужна его справка?

– И то верно. Но смотри за ними. Эти ребята не сопляки, что внизу девок своих давят.

– Ладно. Что на улице?

– Пока тихо.

– Блин, быстрее бы Косой со своими петардами управился?!

- Так все одно, до обеда нам тут торчать точно.
- Кто знает, может, шеф и раньше ситуацию разрулит.
- Ага! Только переговоры с властью сколько времени отнимут.

– Ты че ноешь? Подписался на дело, так выполняй, что прикажут. За то бабло, что получим после всего этого дерьма, можно и потерпеть. Глянь, отблески маяков, никак ментура подскочила.

Бандиты выглянули в окно. Тут же один из бандитов крикнул вниз:

- Шеф! Менты кафе оцепляют.
- Спецназ?
- Не-е, пока пэпээсники, хотя автобус с тонированными окнами на углу встал. Но из него никто не выходит.
- Спецназ! Штатских, крутых тачек, не видать?
- Пока нет.
- Смотрите. И клиентов своих из виду не выпускайте.
- Так, может, их в общую кучу бросить?
- Ты делай свою работу, Лист, а решения здесь принимать буду я.

Грачев повернулся к Шинкевичу:

- Слыхал?
- То, что старшего бандюка на балконе Листом кличут?
- Да. А Косой, видать, у них за ширмой работает.
- Интересно, наши уже развернули «Рентген»?
- Я тебе и без системы просвечивания скажу, что за шир-

мой в ящике взрывчатка. Потому как бандюки хотят взорвать стену и проникнуть в банк, прикрываясь заложниками.

– Так доложи Трепанову о своих соображениях.

– Сам вызовет.

Помощник представителя России в «Совете шести» не заставил себя ждать. Часы белоруса провибрировали сигналом вызова, Шинкевич ответил:

– Блондин!

– Мы просветили здание, – услышал он немного искаженный голос полковника Трепанова, – в зале пятнадцать террористов. За ширмой один из боевиков минирует стену, он устанавливает взрывные устройства направленного действия. Отсюда становится очевидным цель террористов, захвативших кафе. Они намерены подорвать стену и проникнуть в помещение банка, из которого ведет ход в подвал, где находится хранилище. Там, по данным руководства банка, сосредоточена наличность в сумме более двадцати миллионов долларов, десяти миллионов евро и около пятидесяти миллионов рублей. Денежное хранилище и есть цель боевиков.

– Но бандитов встретит охрана?!

– Которая ничего не сможет сделать, потому что бандиты наверняка возьмут с собой заложников как прикрытие. До хранилища боевикам придется взорвать две сейфовые двери и решетку, взломать сами сейфы, но, видимо, они просчитали, сколько для этого потребуется взрывчатки, и имеют ее

при себе. Отряд переброшен к тыловой части кафе.

Шинкевич спросил:

– А что они не выставили наблюдение на крыше?

– Выставили, и не одного, двоих, но наши ребята сумели скрытно войти в мертвую для них зону. Дабы не допустить потерь среди заложников, кроме тех, что уже имеют место быть, нам необходимо провести штурм объекта до того, как боевики подорвут стену. Наши парни смогут сбить наблюдателей с крыши и захватить фойе, в котором на данный момент находятся пять боевиков. В дальнейшем штурмовая подгруппа будет иметь возможность ликвидировать только тех боевиков, что находятся ближе ко входу. Это семь человек. До остальных с ходу им не дотянуться. Таким образом, основная штурмовая группа реально сможет уничтожить половину банды. Каковы ваши возможности, исходя из обстановки, складывающейся на балконе и в секторе видимости?

Шинкевич доложил:

– Двоих боевиков на балконе мы снимем. Думаю, что успеем ликвидировать минера, не допустив до взрывных устройств других боевиков. Ну и, пожалуй, ликвидировать главаря тоже сможем. Это на данный момент четыре человека.

– Значит, четверо после первой атаки останутся целы и невредимы?

– Да, и они могут положить кучу народа из заложников, ими же прикрывшись. К тому же нам неизвестно, не имеет

ли каждый член банды или кто-то отдельно пульты дистанционного управления взрывателями основных устройств, закладываемых у стены. Подрыв такого количества взрывчатки гарантированно обеспечит обрушение не только стены, но и всего кафе. Следовательно, под реальной угрозой гибели окажутся все без исключения заложники, мы и наши ребята из штурмовой группы, что пробьются ко входу в зал.

Трепанов проговорил:

– Об этом мог и не говорить. Последствия одновременного подрыва всей имеющейся у бандитов взрывчатки просчитать несложно. Нам надо найти решение, при котором мы имели бы возможность одновременного и быстрого уничтожения всей банды. А для этого нам не хватает всего двух человек на том же балконе.

Грачев, слышавший переговоры Трепанова с напарником, взглядом указал Шинкевичу на окна. Белорус быстро оценил обстановку:

– Кажется, есть решение!

– Слушаю.

– Стена балкона имеет два широких, примерно два на два метра окна, частью завешанных плотными шторами, но свободными от решеток. Если снять тех, что на крыше, и поднять туда снайперов, то затем с помощью лебедок можно подвести их к окнам со стороны улицы.

– Да вижу я эти окна. И снять наблюдателей не проблема, и подвести ребят к окнам тоже. Проблема в другом. У банди-

тов вне здания наверняка остались свои люди, передающие старшему банды всю информацию о происходящем в районной кафе. А значит, как только мы займем крышу, это станет известно главарю. И он заставит нас убрать снайперов. Под угрозой расстрела заложников.

– Но бандиты общаются между собой и с теми, кто остался вне объекта либо по сотовым телефонам, либо по радиостанциям ограниченного радиуса действия. Следовательно, их можно заблокировать.

– Можно! Но на это требуется время. И отсутствие связи – тот же сигнал опасности для главаря.

– Ну, тогда придется проводить штурм с потерями.

– Ты представляешь, сколько человек успеют расстрелять бандиты до того, как мы достанем их?

– Представляю. А также представляю, как обрушится кафе от подрыва взрывчатки, но другого-то выхода у нас, получается, нет?

– Подождем, сейчас сотрудники ФСБ и чиновники городской власти попытаются завязать с бандитами переговоры. Немного, но у нас будет время просчитать вариант действий, исключаящий гибель заложников и бойцов отряда.

– Хватит ли его?

– Вам быть в готовности отработать основные цели на балконе. До связи!

– До связи!

Шинкевич отключил часы-радиостанцию.

Взглянул на Грачева:

– Такие вот дела, Грач!

– Слушай, а если нашим забросить через окна заряды с нервно-паралитическим газом? А колбы бросить катапультий в окна можно за считанные минуты. Никакой наблюдатель извне не успеет предупредить главаря банды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.